

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРШЫЙ АРХИВЪ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ПОЛИТИКИ

И

ИСТОРІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ЕЛДЕЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

г. 41
Т О М Ъ ХЛІ

(СЫНА ОТЕЧЕСТВА ЧАСТЬ 163-Я, СЪВЕРНАГО АРХИВА 77-Я.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1834.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи, предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпешербургъ, Января 5 дня 1854 года.

Ценсоръ, В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № I.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДУХЪ ФОНЪ-ВИЗИНА НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЪ.

(Сновидѣніе водрствующаго.) (*)

Ч а щ к и й.

Дома новы, но предрасудки стары :

Порадуйтесь, не истреблять

Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Ф а м у с о в ъ.

Эй! завяжи на память узелокъ !

Просишь я помолчать — не велика услуга.

Грибодовъ. (Горе отъ ума.)

Съ необыкновеннымъ чувствомъ смотрѣлъ я на площадь, покрывшую движущимися толпами народа, на эпошу маскарада, въ копоромъ перемѣшаны разнородныя племена, съ различными понятіями о Богѣ, о Природѣ, о гражданственности, о наслажденіяхъ и горестяхъ, и соединенныя одною прищипгательною силою — выгодною. — Выгода! вошь эпошъ Архимедовъ рычагъ, копорымъ можно сдвинуть съ мѣсна міръ, опер-

(*) Посвящено новому Редактору Сына Отечества и Съвернаго Архива.

шгсь на сердце чловѣческое; выгода! вопъ фокусъ шого зажигаельнаго спекла, копорымъ можно сжечь вселенную, сосредоточивъ на одну почку лучи всѣхъ спрасшей. — Скажите мнѣ, Философы, чпѣ поддерживаель шашкѣй гражданспвенный мѣръ? . . . Разумъ, добродѣтель. . . Вѣрю! вѣрю! — Но ты, просвѣщенная, могущеспвенная Англія, сознайся мнѣ, для чего содержишь ты многочисленныя флоты, копорыми ты опоясала земной шаръ? Уже ли для распроспраненія законовъ Ньютона и Рожера Бакона, для водворенія правилъ Беншампа и Говарда, для сообщенія красоть Шекспира и Байрона? — А ты, могучій исполинъ, Наполеонъ, зачѣмъ ты овладѣлъ Италіей и Германіей, зачѣмъ хотѣлъ порабощить Пиренейскій полуостровъ и успремилса на Россію? — Не уже ли для распроспраненія открытій Шаппаля, Тенара, Кювье, для просвѣщенія умовъ геніальными произведеніями Монтаня и Монтескѣ, для доставленія наслажденій прелестями любимаго швоего поэта, Корнеля? — Всего эшого я не нахожу ни въ Англійскомъ шарифѣ, ни въ коншинентальной системѣ! . . .

Вижу безпреспанно, чпѣ люди дѣйствують умомъ, силою, жершвують добродѣтелью для пріобрѣшенія выгодъ, не жалѣють для эшого ни крови, ни поша; но до сихъ поръ не подмѣшили, чпѣобъ они жершвовали выгодами своими для пріобрѣшенія ума и добродѣтели. . . .

Не подмѣшили опъ шого, чпѣ я принадлежу къ старому вѣку, къ вѣку скепцицизма, эмпиризма,

къ вѣку положишельныхъ познаній и сужденій, основанныхъ на опытѣ. Нашъ вѣкъ еще носилъ на себѣ клеймо феодалной грубости, которое новые преобразователи хотѣли смыть нашею кровью. Мы были еще просподунны и въ опскрытіяхъ нашихъ, и въ заблужденіяхъ, и шли ощупью къ усовершеніямъ, не довѣряя своимъ силамъ. А теперь я слышу, что настала вѣкъ совершенства, вѣкъ всезнанія, въ которомъ все рѣшается по теоріи вѣроятностей (*calcul de probabilité*), а точность и опытъ и положишельность почтищаются принадлежностями невѣжества. Смиряюсь и сознаюсь въ ничтожествѣ моемъ предъ нынѣшнимъ величіемъ! Я не понимаю нынѣшняго вѣка, и пошому не умѣю судить объ немъ, какъ судятъ современные Философы. Я долженъ вѣрить имъ на слово, что нынѣшній вѣкъ лучше прошлаго, ибо споръ не поможетъ. Мы чувствуемъ, мыслимъ и понимаемъ иначе. Мы считаемъ даромъ неба простое изобрѣненіе прививанія оспы, а нынѣ поютъ похвальныя пѣсни холерѣ и чуму выводятъ на комическую сцену. Мы заботились о прокормленіи рабочаго класса, а нынѣ думаютъ только о подмазываніи машинъ. Въ нашъ вѣкъ писали прошиву убійствъ, насилія, разврата, грабежа, а теперь только и пишутъ, что объ убійствахъ, развратѣ и злодѣйствахъ. — Нынѣ пѣтъ *слышатъ*, чѣмъ прежде *стращали*! — Въ наше время были еще *Недоросли*, а нынѣ молодые дворяне въ дѣла Митрофанушки уже законодатели и Философы. Въ на-

ше время *Бригадиръ* бивали женъ своихъ, а *Бригадириши* скрѣпичали; нынѣ жены водяшъ за носъ мужей, почище Бригадира, и не только Генеральши, но Прапорщицы и даже купчихи умѣюшъ мопать по всѣмъ чепыремъ правиламъ Ариѣметки. Я долженъ вѣрять, что нынѣшній вѣкъ лучше и просвѣщеннѣе нашего прошлаго вѣка, и если бѣ теперь появился Фонъ-Визинъ, онъ долженъ былъ бы переломить перо свое. . . .

— «Онъ здѣсь!» раздался голосъ позади меня.

Я обернулся, и увидѣлъ незнакомца въ кафтанѣ спариннаго Французскаго покроя, въ претугольной шляпѣ, со взбитыми пуклями на вискахъ, подъ пудрою. Лице его было полное, красное, взоръ провицательный. Онъ смогрѣлъ на меня, прищуря глаза, и улыбался прониически.

— «Я помню самый Денисъ Ивановъ сынъ Фонъ-Визинъ, о которомъ ны вспомнилъ теперь,» сказалъ онъ, приподнявъ шляпу и поклонясь мнѣ вѣжливо.

— «Какъ! Авторъ *Бригадира*, *Недоросля*, *Посланія къ слугамъ*!» воскликнулъ я въ недоумѣніи, замѣтивъ съ удовольствіемъ, что незнакомецъ шочно похожъ на портреты и на бюсты Фонъ-Визина.

— «Тотъ самый!»

— «Помилуйте, да вы умерли!» сказала я въ страхѣ.

— «Умеръ Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ, Спашскій Совѣтникъ, чиновникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и Членъ Россійской Акаде-

ми, а (*) опивчалъ онъ, улыбаясь: »ис Авпоръ фонъ-Визинъ — живъ! — Ты знаешь, что Авпоры, признанные публикою въ семь званіи — безсмертны!«

— »То естъ... Я хотѣлъ возражать, но онъ не далъ мнѣ вымолвить ни слова и сказалъ:

— »Ты сомнѣваешься! Безразсудный! Если ты можешь вѣрять въ Гомеопатію, въ справедливость современной Исторіи, въ Метафизику, въ магнетическое ясновидѣніе и во множество вещей, копорыхъ я не хочу называть по имени, то какъ же не хочешь вѣрять, что духъ мой, духъ фонъ-Визина, можетъ навѣщать иногда писателей и бесѣдовать съ ними! Покайся — и вѣрь! Я духъ Авпора *Бригадира* и *Недоросля*: я фонъ-Визинъ! Я скалился надъ побоею, подслушавъ, что ты мелешь вздоръ, пуспившись въ глупыя философическія разсужденія, копорыхъ публика не любитъ, какъ больной лекарства, и пришелъ пошолковать съ побоею«.....

— »Помилуйте, Денисъ Ивановичъ! Я хотѣлъ философствовать. Нынѣ вѣкъ Философіи«....

— »Такой же вѣкъ глупостей, какъ и прежній,« возразилъ духъ фонъ-Визина.

— »Извините, Денисъ Ивановичъ! — Нынѣ

(*) См. Опытъ Краткой Исторіи Русской Словесности, соч. Н. И. Греча, изд. первое, спр. 195, книгу, копорую великіе наши Ученые *бранили* въ Московскихъ Журналахъ, и копорую всѣ немилосердо *обицпываютъ* (не говорю обкрадываютъ), какъ только придется писать Біографіи Русскихъ Писателей. *Сог.*

вѣкъ разума и геніальности. Въ эпомъ увѣряють меня всѣ внуки мои и племянники и ихъ пріятели. Прежде надлежало вѣкъ учиться и написать фоліанты, чшобъ прослышь Философомъ, а нынѣ, безбородые юноши, которые не умѣють написать правильно шрехъ спрокъ сряду, судяшь о помъ даже, чего вовсе не знаютъ, и рѣшаютъ по, о чемъ не имѣють понятія... Нынѣ...»

— «Та же глупость, только въ другомъ видѣ,» подхватилъ духъ фонъ-Визина.

— «Видно вы рѣдко посѣщаете здѣшній міръ, Денисъ Ивановичъ, когда изволише шакъ говорить. — Я слыхалъ, что вы списывали съ натуры всѣ дѣйсствующія лица въ *Бригадиръ* и *Недоросль*. Увѣряю васъ, что нынѣ все измѣнилось, и что вы не найдете теперь въ цѣлой Россіи, не только *Бригадира* и *Недоросля*, но даже ни одного лица изъ ихъ свинны, кромѣ *Кутейкина*, который нынѣ сдѣлался великимъ Философомъ и обучаетъ уже *задамъ* не Мипрофанушку, но учить *задамъ* цѣлый міръ по теоріи *Изящныхъ Искусствъ* и *Умозрипельной Философіи*....»

— «Новое доказательство глупости нынѣшняго вѣка,» примолвилъ духъ фонъ-Визина. «Но вѣрь мнѣ, что не одинъ мой *Кутейкинъ* существуетъ и здравствуетъ во всей красѣ. Всѣ мои дѣшки живутъ, распушь, зрѣють, плодясь и населяють землю, какъ было прежде... Только, подобно *Кутейкину*, въ другомъ видѣ, въ другихъ формахъ.»

— «Какъ, неужели и Недоросль?» спросилъ я недовѣрчиво.

— «Миспрофанушекъ-по именно и болѣе всего,» отвѣчала духъ Фонъ-Визина. «Смотри, вопшь цѣлая ихъ толпа передъ нами!»

— «Помилуйте! Всѣ эти молодые люди мнѣ знакомы. Одинъ изъ нихъ чиновникъ, числящійся по особымъ порученіямъ и находящійся въ безсрочномъ отпускѣ, Другой отставной Гвардіи Прапорщикъ, поселившійся въ деревнѣ для личнаго собиранія доходовъ и наслажденія свободою. Третій Остзейскій неслужащій дворянинъ, кошорый цѣлые три года соспоялъ въ Университетскомъ спискѣ. Четвертый, Русскій дворянинъ, кошорый опъ шого только не служилъ, что не хочеть начать съ мелкихъ должностей, и что у насъ нѣтъ обычая поступать прямо изъ школы въ Министры. Пятый, сынъ богатаго купца, кошорый ждетъ только, пока сеспра его выйдетъ за-мужъ за Генерала или за значительнаго спашскаго чиновника, чтообъ опредѣлиться въ службу, потому, что имѣеть отвращеніе отъ купческаго званія, будучи воспитанъ вмѣстѣ съ дворянскими дѣтьми во Французскомъ пансіонѣ. Шестой, Липовскій *Панижъ*, кошорый не хочеть служить отъ шого единственнно, что надеется, со временемъ, быть избраннымъ въ Короли. Седьмой не можеть принять на себя ни какой обязанности, потому, что занятъ Шеллинговой Философией, въ кошорой уже дошелъ до абсолюта, ш. е. до нуля. Восьмой....»

— »Довольно, довольно и этого для доказатель-
ства, что Мипрофанушки не перевелись у нас!«
сказала духъ Фонь-Визина, съ улыбкою. »Скажи мнѣ,
по совѣспи, развѣ онѣ эшихъ господчиковъ болѣе
пользы опечеству и человѣчеству, чѣмъ онѣ мо-
его *Недоросля*? Развѣ ихъ занятія важнѣе, чѣмъ
занятія Мипрофанушки на голубяниѣ?— Вся раз-
ница въ томъ, что нынѣшніе Мипрофанушки
говорятъ вздоръ гошовыми Французскими фраза-
ми, одѣваются не въ Тришкинъ кафтанъ, а по
Парижскимъ каршинкамъ, и что они находящіяся
подъ покровительствомъ, не няни Еремеевны, а
какихъ нибудь знатныхъ или богатыхъ шену-
шекъ и бабушекъ. — Въ Русской Грамматикѣ
нынѣшніе Мипрофанушки, право, не сильнѣе мо-
его Недоросля, хотя и знаютъ, что дверь не
есть имя прилагательное, потому что прила-
гается къ ушкамъ на крючьяхъ; при всемъ томъ
они, также какъ и мой Мипрофанъ, не напи-
шутъ письма безъ двадцати ошибокъ въ деся-
ти строкахъ. Нынѣшніе Мипрофанушки, хотя
знаютъ наизусть *илена* всѣхъ Наукъ, но смы-
слятъ въ нихъ едва ли не столько, сколько смы-
слилъ мой *Недоросль* въ *Географіи* и *Исторіи*.
Мой Мипрофанъ былъ еще умнѣ нынѣшнихъ
Мипрофанушекъ, потому, что сознавался чи-
спосердечно: *что не хочетъ учиться, а хочетъ*
жениться, и не судилъ о томъ, чего не понимаетъ;
а нынѣшніе Мипрофанушки, мало того, что су-
дятъ о томъ, чего не понимаютъ, но хва-
саяютъ ученьемъ, ничему не выучившись, и же-

няйся безъ охоты, по расчесу. Вѣрь мнѣ, что нынѣ Минупрофанушекъ столько же, сколько ихъ было и въ мое время; но мой Миппрофанъ былъ въ чернь, а нынѣшніе Миппрофаны *отдѣланы окончательно* и покрыты лакомъ!«...

Я не смѣлъ спорить, но хотѣлъ другими приемами заспавить его признавъ нынѣшній вѣкъ превосходнѣе прежняго и сказала: «Пущь пакъ; но гдѣ же вы отыщете нынѣ маменьку Миппрофанушки, Проспакову? Гдѣ нынѣ подлинникъ ея мужа?»

— «Да ихъ, брашець, полнымъ полнехонько!» отвѣчала духъ Фоя-Визина. «Конечно, нынѣ деревенская барыня не дерется сама съ лакеями и кучерами, но поручаетъ эши хлопоты прикащику или дворецкому, предоставляя себѣ невинное наслажденіе препашь по щекамъ приближенныхъ своихъ служанокъ. Нынѣшняя барыня не спанешь, какъ моя Проспакова, ссылашья на Указъ о вольности Дворянства, чпобъ поддержашь права свои на произвольное наказаніе своихъ людей, но подведешь вамъ указецъ кспашни и ввернешь крючекъ не хуже подъячаго, выгнаннаго изъ службы за взяпки. — Нынѣшняя Проспакова не спанешь называшь покорнаго мужа своего, при людяхъ и въ глаза, дуракомъ и болваномъ, но будешь дурачить его всю жизнь и обходишья съ нимъ, какъ съ болваномъ».....

Въ это время подѣхала къ гостинному двору огромная чепверомѣстная кареша, *сложенная дома*, собишвенными мастеровыми, запряженная шестью разношерстными лошадьми. Изъ карешы

вышла сперва полсная барыня въ модномъ чепцѣ, надѣпомъ на запылокъ, въ фальшивыхъ пукляхъ, въ цвѣтномъ клокъ, вышитомъ узорами домашними швеями. За нею выльзъ пощій мужъ, въ изношенномъ сюршукѣ, и мальчикъ лѣтъ принадацати, который, выльзая, ударилъ щелчкомъ въ носъ лакея, взявшаго его подъ руку. — Барыня оспановилась, посмопрѣла гнѣвно на кучера, и, сказавъ: »Поспой, любезный, *ужд* я прикажу рачиташься съ побою дворецкому!« — пошла къ лавкамъ. Увидѣвъ лужу, она обернулась къ лакею и закричала: »Что ты, болванъ, не возьмешь на руки ребенка! Развѣ не видишь!« попомъ взглянувъ съ презрительною улыбкою на мужа, примолвила: »Ну, что жъ ты, Иванъ Егоровичъ, призадумался? Вѣдь, кажется, надобно подашь руку женѣ!« Попомъ, покачавъ головою, примолвила въ полголоса: »Господи, воля швоя, что эшо за человекъ!« — Мужъ подбѣжалъ къ женѣ, покашливая, и она, опершись на него, храбро перешагнула черезъ лужу въ сажень длиною, и пошла въ лавку. Мужъ послѣдовалъ за нею въ молчаніи, ошупывая бумажникъ, а сынокъ, котораго несъ лакей, шормошилъ его за усы, хохоча во все горло. Лакей морщился, приговаривая: »да не извольше драшься, Никиша Ивановичъ! Вѣдь ей, ей больно!«

— »Ну... вопъ шебѣ и полный экземпляръ семейшва Проспаковыхъ!« сказалъ духъ фонъ-Визина. »Разница въ помъ, что мужъ — бывший Земскій Судья и Шшабъ-Офицеръ, что жена го-

ворить по-Французски Нижегородским нарѣчьемъ, и что при Никипушкѣ не Вральманъ кучеръ, но спасійся отъ рекрутскаго набора (конскрипціи) Французъ, подмасперья часовыхъ дѣлъ, которьй, оставшись на кварширѣ, въ это время объясняется въ любви съ старшею дочерью современной Проспаковой«...

— »Признаюсь, что это немножко походить на семейство Проспакowychъ,« сказала я. — »Но ужъ воля ваша, Денисъ Ивановичъ, а вы вѣрно не найдете въ нынѣшнее время ни одного Тараса Скопинина!«

Духъ фонъ-Визиня расхохотался. — »А какъ ты называешь помѣщика, которьй, закупорившись въ деревнѣ, не знаетъ и знаетъ не хочетъ ничего, кромѣ своихъ кресчьянъ и доходовъ; которьй не заботится ни о славѣ опечества, ни о благѣ человечества, ничего не читаетъ, кромѣ *прибавленій къ вѣдомостямъ*, ничего не пишетъ, кромѣ явочныхъ прошеній; для котораго не существуетъ ни Литература, ни Изящныя Искусства, которьй знаетъ о Полишкѣ только по рекрутскимъ наборамъ? — Развѣ у насъ нѣтъ такихъ помѣщиковъ? — Правда, что нынѣшніе Тарасы Скопинины могутъ прочесть сами *скорпись*, и даже отвѣчать на письмо — (безъ *атей* и знаковъ препинанія), что у нихъ уже спрасть не къ свиньямъ, а къ благороднымъ живописнымъ, къ лошадямъ, къ собакамъ, или къ мериносамъ; но существенное все то же: та же спрасть къ скошамъ и то же отвращеніе отъ всего чело-

вѣческаго, ш. е. опъ всего, что облагороживаетъ
человѣка. — Нынѣшніе Скопинины не опзову-
ся на переключкѣ громкимъ голосомъ, какъ оп-
зывался мой Скопининъ на Свѣзжей; но увѣрю
тебя, что мой Тарасъ былъ не послѣдній въ ро-
дѣ, и что племя его не переведось, а блажен-
спвуетъ на Руси пихомолкомъ. — Загляни въ
Газетную Экспедицію Почтамта и во все спис-
ки подписчиковъ на книги! Тамъ ты не найдешь
имени Скопининыхъ, но за то имена ихъ по-
кояпся подъ срудомъ въ Архивахъ слѣдспвенныхъ
дѣлъ и сіяюпъ въ Казенныхъ Палатахъ, въ рос-
писи недомокъ. Нѣтъ, любезнѣйшій! Скопини-
ны не выдадутъ меня: крѣпколюбый ихъ родъ
живуць, какъ племя вороновъ!»

— »Я согласенъ съ вами, Денисъ Ивановичъ,
что вы въ нѣкопшоромъ опношеніи правы, а по-
тому спорить и прекословить не намѣренъ; но
что касаешься до характеровъ, изображенныхъ
вами въ Комедіи вашей *Бригадиръ*, то рѣши-
тельно объявляю, что нынѣ не сущесствуетъ да-
же подобія ихъ.«....

— »И я скажу по же, что ты въ нѣкопшоромъ
опношеніи правъ,« возразилъ духъ фонъ-Ви-
зина. »Между нынѣшними военными нѣтъ моего
Бригадира, пошому, что нынѣ нельзя получать
чиновъ въ военной службѣ, лежа на боку, какъ
было въ наше время, въ копшорое новорожденный
былъ уже сержанпомъ Гвардіи, а при опняшн
опъ груди, Ролмисспромъ или Капшпаномъ по
арміи. Дѣйсспвшельная военная служба вышко-

лишь хоть какого неуча! Мой *Бригадиръ* поступилъ шеперь въ разрядъ *современныхъ Скотининыхъ*, и господствуетъ въ своей деревнѣ, въ чинѣ Губернскаго Секретаря, а много Типулярнаго Совѣтника, въ званіи бывшаго Земскаго Судьи или Засѣдателя. — Жена его, ш. е. моя *Бригадирша*, научилась нынѣ грамотѣ, чипаешь Сонники и Романы Московской книжной фабрики, а играешь не въ чушки и въ дурачки, но въ боспонѣ по грошу, или по пяпи копѣекъ. — Конечно, нынѣ нѣтъ шакихъ просподушныхъ Совѣтниковъ, какъ мой *Совѣтникъ* въ Бригадирѣ! Нынѣ никто не дастъ почувствовать, что онъ нажилъ имѣнье взянками, крючками, ложнымъ полкованіемъ Указовъ и прижимкою праваго и виноватаго. — Нынѣ имѣнья *благопріобрѣтаются* службою или *на службѣ*. Нынѣ нѣтъ лихоимства, а есть только мздоимство, ш. е. награда за трудъ и время и за хожденіе по дѣламъ, иногда въ званіи, а иногда только на правахъ повѣреннаго. Въ мое время не знали еще эпого рода промышленности, и брали взянки на прямикъ, а нынѣ эпо дѣлается весьма благоприспойно. Вы имѣете дѣло, напримѣръ, въ одной испанціи, а вашъ повѣренный служить въ другой испанціи, которая состоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ первой. Рука руку моешь и объ бѣлы! То, что дѣлается въ одномъ Судѣ для вашего повѣреннаго, онъ дѣлается для чиновниковъ того Суда, и такимъ образомъ, въ эпой круговой поруки, шонъ только въ дура-

кахъ, кпо бѣдѣнь, или кпо не смышленѣ. — Чпо же касается до моей *Совѣтницы*, по согласенѣ, чпо нынѣшнїя Совѣтницы гораздо скромнѣе и смышленѣе: онѣ дѣлають психомолкомъ по, о чемъ моя Совѣтница только говорила, и чпо только хотѣла сдѣлать. А мой Иванушка, сынъ Совѣтника — вопъ у насъ передеъ глазами! — «Извинише, Денись Ивановичъ! Я знаю этого молодого человека. Это сынъ препочтеннаго опца, получилъ первоначальное воспитанїе въ Говвилѣ, подѣ руководствомъ знаменитаго Песпалоци, кончилъ курсъ Наукъ въ Парижѣ, и теперь служишь оплично по дипломатической части. Пишешь онѣ по-Французски, какъ природный Французъ, и хопя не знаешь вовсе по-Русски, да это шамъ не нужно.».....

— «Не нужно!» воскликнулъ грозно духъ Фонтъ-Визина. «Русскому не нужно знать по-Русски! А на какомъ же языкѣ онѣ спашеть молишься Богу въ Православной церкви? — Спыдь и срамъ! — Неужели для Французской переписки мы должны воспитывать Русскихъ дворянъ внѣ Русскихъ обычаевъ, опчуждать ихъ опъ опечества и Вѣры? Твой знаменитый Песпалоци не можешь влпшь въ душу Русскую любви къ Россїи; не можешь дать объ ней понятїя, пошому, чпо самъ ее не знаешь. Можетъ ли эпошь Русскїй Французъ бытъ такимъ дворяниномъ, какъ пребуется опъ него по благодѣтельной Дворянской Грамошѣ, когда онѣ чуждѣ своему креспя-

нину и чуждъ даже своему равному? — Это не воспитаніе, а дрессировка!....

— »Успокойсь, Денись Ивановичъ! Нынѣ запрещено спрогайше, воспитывашъ дѣшей въ чужихъ краяхъ«....

— »Честь и слава Правительству, долголѣтіе Царю!« сказали духъ Фонъ-Визина. Давно бы пора! Когда я чиналъ Великой Екатерины моего Бригадира, Она похвалила меня за осмѣяніе безразсудной спраски къ иноземному въ лицѣ моего Иванушки; но не хотѣла принять мѣръ рѣшительныхъ къ усстраненію этого зла, надѣясь на благоразуміе опщевъ.... Но они до сихъ поръ не образумились, да и врядъ ли скоро образумятся, и даже при запрещеніи Французить дѣшей своихъ за границей, вѣрно заведуть здѣсь свою полу-Французскую колонію для дрессировки своихъ дѣшпокъ. Впрочемъ, я весьма далека отъ того, чшобы почиашъ изученіе иносранныхъ языковъ вреднымъ. Напрошивъ, я вѣрю, чшо образованный человекъ долженъ знать не только дипломатическій языкъ, но и всѣ Европейскіе языки, копорые процвѣшаютъ, воздѣлываемые Науками и Литературою. Но это не должно мѣшашъ знать и любить свой природный языкъ, наше богатое, звучное, милое Русское слово! — Чѣмъ болѣе доставляешъ намъ наслажденія иносранныя Литература, тѣмъ болѣе мы должны старашся воздѣлывать, усовершенствовать нашу собственную. Любовь къ отечеству возлагаешъ на насъ обязанность про

славлять его не однимъ оружіемъ, но и произведеніями ума и Изящныхъ Искусствъ. Было время, что и Турки и Ташары были славны побѣдами, но какъ побѣды ихъ не упрочивали, но разрушали дѣла разума, то онѣ и оспались безплодными. Слава оружія ввела насъ въ Европейское семейство, и мы должны спараться сравняться въ образованности съ нашими родными, чтобы пользоваться ихъ уваженіемъ.

— »Въ эпомъ я совершенно согласенъ съ вами, Денисъ Ивановичъ!

— »Но всѣ ли твои современники согласны со мною? Сммотри! Вошь книжная лавка! — Тысячи человѣкъ проходящъ мимо, и едва одинъ изъ тысячи заглянешъ шуда! — Правда и приманка плохая! Безжизненные романы, бездушныя повѣсти, безграмотные переводы, запоздалые и нелѣпыя толки о Наукахъ—не пища для ума и сердца! — Но кто виноватъ въ эпомъ? — Изъ числа людей высокаго образованія не многіе пишутъ по-Русски, а ищутъ счастья и почестей на другомъ поприщѣ, предоставивъ Литературу безграмотнымъ, или что еще хуже — полуграмотнымъ. У васъ, однако жъ, есть образцы. У васъ есть сочиненія Карамзина, И. И. Дмиріева, у васъ есть Крыловъ, Пушкинъ и Грибоедовъ и, что важнѣе, у васъ есть теперь *Русская Грамматика* Греча, копорой мы не имѣли и должны были писать, такъ сказано, ошущью. Трудитесь, учитесь, терпите, спрадайте даже, если нужно, для пользы и славы Литературы,

которая, что бы ни говорили, есть *основа народной славы*, ибо народъ безъ Липерашуры и при помъ безъ Липерашуры *воздъланной*, ничъмъ не упрочить въ вѣкахъ своей славы и своего существованія: шакъ думала Великая Екатерина, прудясь Сама на попрщѣ опечествленной Словесности....»

— »И нынѣ шакъ думаютъ.....«

— »И слава Богу! Прощай и не сердись за правду!« Сказавъ сіе, духъ фонъ-Визина исчезъ, а я оспался одинъ на берегу Оки. Народъ шумѣль, вокругъ раздавался звукъ монеты и кляшвы купцевъ, что у каждаго изъ нихъ все лучше и дешевле. Одинъ призывалъ въ свидѣтельство своего праводущія Далай-Ламу, другой Магомета, прешій Брамму, и все лгали безъ милосердія. Толпы покупателей вершѣлись вокругъ горъ чая, сахару, вокругъ бочекъ и ящичковъ съ виномъ и ромомъ. Драгоцѣнные шаали и парусина, модные чепцы и шляпки, кожа и войлоки, все имѣло своихъ любительей и преработательей, а Русскія книги опдыхали уединенно, и праздный сидѣлецъ дремалъ надъ Романомъ самороднаго гениа, копорый всему выучился самоучкою и все постигъ— кромѣ здраваго смысла и Русской грамоты. Я вошелъ въ лавку и почувствовалъ благодѣтельное дѣйствіе современной Словесности. Пріятная, сладкая дремоша овладѣла мною.... проснувшись, я очутился въ монхъ креслахъ, а передъ собою увидѣлъ нѣсколько листовъ исписанной бумаги. Увѣренъ будучи, что эпа спашья про-

изведеть такое же спасительное дѣйствіе и на моихъ чипапелей, я печатаю ее для общей дремошы, копорая естъ также польза, ибо гораздо лучше усыпить *правдою*, чѣмъ разбудить *ложью*.

Фаддей Булгаринъ.

II.

И С Т О Р І Я.

О происхожденіи и усиленіи Городскихъ
Общинъ въ Европѣ (*).

64. Когда феодальная система достигла своей полной силы и общество угрожаемо было погибнуть подъ ея гнѣномъ; когда власть духовная начинала побѣдоносно свою борьбу съ нею, тогда подъ вліяніемъ и въ слѣдствіе сей борьбы, началъ возникать и еще новый противодѣйствовашель феодальному могуществу — *городскія общины*, элементъ также оставшійся отъ Римскаго міра, но среди новыхъ перемѣнъ измѣнившійся и иначе образовавшійся. Сей претій элементъ новаго Европейскаго общества позже другихъ образовался. Отъ V до VII вѣка феодальная система и церковное управленіе, хотя въ послѣдствіи они и получили еще новое развитіе, являющія намъ уже почти

(*) Изъ книги Г. Профессора Шульгина, см. No 39 и 40 С. О. и С. А. 1833.

полными, въ опредѣленномъ положеніи; въ печеніе сего періода времени они родились, возросли и достигли своей зрѣлости. Другую судьбу имѣли городскія общины. Онѣ только съ XI и XII вѣка занимающъ мѣсто въ Исторіи; не потому, чѣобы онѣ прежде не имѣли Исторіи, заслуживающей бытъ изучаемою; не потому, чѣобы и гораздо прежде сей эпохи не было слѣдовъ ихъ существованія; но только съ XI вѣка онѣ явственнаго появляются на великой сценѣ міра, какъ важный элементъ новаго образованія.

Выше было сказано (21), что значили города въ провинціяхъ Римскихъ и въ какое они положеніе пришли (31) по утвержденіи Германцевъ въ Римскихъ обласняхъ. Города, съ ихъ жизнію, и съ ихъ потребностями, и съ ихъ спремавленіемъ были общества, невѣдомыя Германцамъ на родинѣ (27); побѣдители не знали, что съ ними дѣлать, и оставили имъ ихъ прежніе усавы; но сіи усавы не имѣли ни малѣйшаго обезпеченія: ошъ воли побѣдителей зависѣло уничтожить шо завтра, что сегодня было оставлено. Слѣдственно соспояніе городовъ въ исходѣ V и въ VI вѣкѣ представляло двѣ противоположности: съ одной стороны они были свободны, имѣли свое собственное управленіе; съ другой находились въ зависимости ошъ всѣхъ обстоятельствъ, ошъ всякой перемѣны въ соспояніи побѣдителей, просто ошъ ихъ произвола. Въ VII столѣтіи, когда произошеть раздѣлъ фискальныхъ земель на участки между членами Гелейша, и когда по-

помѣ сѣи учаспки спали дѣлашья наследственными, соспоянїе городовъ перемѣнилось къ худшему, пошому, во-первыхъ, что въ это время жизнь деревенская получила рѣшительное преимущество предъ городской, и города, бывшіе доселѣ безъ обезпеченія своихъ правъ, оспались съ нѣхъ поръ и безъ промышленности; и пошому во-вторыхъ, что города, оставшіе съ своими особенными успавами среди феодальнаго міра, были предметомъ грабительства и насилій со стороны Вассаловъ, среди владѣній которыхъ они лежали, такъ, что съ VII до XI вѣка они, волею и неволею, должны были подчиняться условіямъ феодальной системы, и для обезопасенія себя опъ сихъ грабительствъ и насилій, вступашь, на основаніи феодальныхъ успавовъ, подъ защиту или какого нибудь могущественнаго Вассала свѣтскаго, или Епископа, или Аббата. Но тогда городскіе жители пришли въ такое состояніе, которое не много разнилось съ состояніемъ рабовъ, и для освобожденія городовъ нужно было, по видимому, чтобы они доведены были до сей крайности, чтобы ихъ выгоды сдѣлались одинаковы съ выгодами рабовъ, и чтобы одинаковая съ симъ классомъ ненависть къ игу феодальному наполняла и умы горожанъ. Въ XI столѣтіи началась эта рѣшительная борьба (55-58) между властію духовною и властію свѣтскою; борьба, которая по важности своей и силѣ должна была всколебать общество во всемъ его составѣ; въ то же время началось,

или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалось замѣтнымъ, воз-
 станіе городовъ пропивъ гнева феодальнаго. Феодальная система сама подавала и поводъ и примѣръ къ такому возстанію: города видѣли Вассаловъ въ непрерывной войнѣ съ своими Государями, въ непрерывномъ противоборствѣ власти, которая спаралась подчинить себѣ ихъ необузданную волю. Нельзя рѣшить, въ какой именно степени и какимъ образомъ содѣйствовала борьба Папской власти съ властію свѣтскою сему возстанію городовъ; но два обстоятельство какъ бы указываютъ на внутреннюю связь сихъ современныхъ событій. Первое то, что ранѣе XI вѣка не восходяще грамоты, которыми утверждаются привилегіи городовъ; сіи грамоты представляють собою дѣйствительныя шарты, кои города заключали съ соседними Вассалами, свѣтскими или духовными, и коими опредѣлялись отношенія городовъ къ симъ послѣднимъ. Второе обстоятельство то, что Папы, желая усилить себя для борьбы съ свѣтскою властію, дѣйствительно покровительствовали и поощряли освобожденіе городовъ и образованіе союзовъ между оными для болѣе надежной защиты ихъ отъ новыхъ покушеній Вассаловъ, или, съ другой стороны, и для той же самой борьбы съ властію духовною, сами Государи также спарались привязать къ себѣ города разными привилегіями; такъ дѣйствовали Императоры Германскіе и Короли Французскіе. Сіе возстаніе городовъ было всеобщее и современное въ

Западной Европѣ; не пошому чшобы между ними произошло общее для сей цѣли соглашеніе, а пошому, чшо города въ разныхъ спранахъ были въ одинаковомъ положеніи, и пошому, чшо образованіе общества Европейскаго имѣло одинаковые переходы. Но города, и освободясь, не получили еще полной самосшоятельности и силы, и жители ихъ не могли еще приобрѣсти значащаго мѣста въ рязрядѣ общественномъ, пока эти жители состояли изъ небольшихъ купцевъ и мелочныхъ ремесленниковъ, неимѣвшихъ ни капиталовъ, ни образованія. Время скопило одни и усилило другое; вмѣспѣ съ симъ скопленіемъ богатства и усиленіемъ образованія возвысилось и поспешенно успроивалось внутреннее управленіе общинъ, различно въ подробностяхъ по разнымъ спранамъ Европы, но сходно въ главныхъ черсахъ своихъ.

65. При указаніи шого, чшо осшалось ошъ Римскаго міра въ наслѣдіе новымъ Государствамъ, сказано было, чшо Республика, шакъ какъ и Имперія Римская, была собраніемъ городскихъ общинъ, кошорыя прежде были столь же самосшоятельными, какъ и самый Римъ (20). Всякій (*) изъ сихъ городовъ имѣлъ сначала шочно шакое же существованіе, какъ Римъ, былъ небольшою Республикою, независимою, заключающею миръ, объявляющею войну, управляемою по своему усмошрѣнію. По мѣрѣ шого, какъ они входили въ составъ Римскаго Государства, шѣ

(*) Гизо.

права, кои принадлежатъ Государствамъ самостоятельнымъ, право войны и мира, право законодательства, наложенія податей, отошли отъ всякаго города и сосредоточились въ Римъ. Осталась только одна самостоятельная община—Римъ, царствующая надъ множествомъ общинъ, которыя имѣли только уже гражданское существованіе. Муниципальное управленіе измѣнилось въ своемъ характерѣ, и вмѣсто того, чтобы быть политическимъ устройствомъ, верховною властію, оно сдѣлалось только мѣрою распорядительною. Въ великій переворотъ, совершившійся во времена Имперіи. Муниципальное управленіе, сдѣлавшись только распорядительною мѣрою, ограничилось управленіемъ мѣстныхъ дѣлъ, гражданскихъ отношеній города. Въ такомъ состояніи паденіе Римской Имперіи оставило города и ихъ успавы. Среди хаоса варварскихъ временъ всѣ идеи смѣшались, такъ какъ и всѣ событія; не было и слова о различіи того, что принадлежитъ верховной власти, и того, что относится только до управленія. Ходъ дѣлъ опредѣлялся случаемъ и необходимостію, по мѣрѣ которой начальство каждаго мѣста по было верховною властію, по просило начальствомъ. Когда города возстали, чтобы приобрести себѣ какую нибудь безопасность, они присвоили себѣ права верховной власти. Не въ слѣдствіе какой нибудь политической теоріи или въ слѣдствіе чувства ихъ собственнаго достоинства, а только лишь для того, чтобы имѣть средства противиться фео-

дальнымъ владѣльцамъ, пропивъ копорыхъ они возспали, присвоили себѣ города право собирать войско, распредѣляя на жипелей подаши, чпобы вести войну, назначая самимъ своихъ вождей и правипелей, однимъ словомъ управляясь самими собою. Правипельство внутри города было только условіе защиты, средство безопасности. Такимъ-то образомъ права верховной власти возвратились въ муниципальное управление, изъ копорого они вышли опъ завоеваній Рима; общины сдѣлались самодержавными: вопъ полипической характеръ ихъ освобожденія. Нельзя сказать, чпобы это было самодержавіе полное. Оспавались все еще нѣкоторыя слѣды власти посторонней; по феодальный владѣлецъ сохранялъ право назначая въ городъ правипеля, который въ помощь себѣ бралъ чиновниковъ изъ горожанъ; по онъ имѣлъ право взимаю нѣкоторыя сборы; въ другихъ мѣстахъ ему назначалась подашь. Иногда вищняя власть надъ общиною переходила въ руки Короля. Сами общины, вошедшія въ свою очередь въ сославъ феодализма, имѣли Вассаловъ, и по сему качеству онѣ обладали частью верховной власти, свойственной феодальнымъ владѣльцамъ. Произошло смѣшеніе между правами, копорыя имѣли они по ихъ феодальному положенію, и правами, копорыя приобрьли черезъ свое возспаніе, и по сему двойному качеству верховная власть имъ принадлежала.

66. Сколько можно судить по памяпникамъ,

весьма неполнымъ, вопль какъ усроено было, по крайней мѣрѣ въ первое время, управленіе во внутренности общины. Всѣ жипели соспавляли собраніе общины; всѣ тѣ, копорые присягали общинѣ — а всякій, кто жилъ внутпри города, обязанъ былъ ей присягать — созываемы были звономъ колокола на общее собраніе. Здѣсь назначали Правипелей. Число и образъ правипельспивенныхъ мѣспъ были весьма переменчивы. Когда назначены были Правипели, собраніе расходилось, и Правипели управляли почпи одни, довольно произвольно, безъ всякой другой отвѣспивенности, кромѣ новыхъ выборовъ, или возмущеній народныхъ, копорые соспавляли для Правипелей важнѣйшій родъ отвѣспивенности въ это время. Слѣдспивенно внутпреннее усроиспво общинъ соспояло изъ двухъ спихій весьма проспыхъ: изъ общаго собранія жипелей, и изъ Правипельспва, облеченнаго власпію почпи произвольною, подъ отвѣспивенностію возспаній, мяпелей. Не возможно было, особенно по состоянію яравовъ, учредитъ Правипельспво правильное, насспящее обезпеченіе порядка посспяннаго. Самая большая частъ населенія общинъ находилась на такой степени невѣжеспва, грубости, звѣрспва, что весьма трудно было управляпъ ею. По испеченіи весьма недолгаго времени было внутпри общины споль же мало безопасности, сколь мало было оной прежде въ опношеніяхъ гражданъ къ владѣльцу. Но довольно скоро, однакожь, образовался въ ней классъ высшихъ граж-

данъ, по весьма понятнымъ причинамъ. Состояніе идей и отношеній общественныхъ произвело установленіе закономъ опредѣленныхъ занятій промышленныхъ, учрежденіе гильдій, цеховъ. Правило привилегій ввелось во внутренность общинъ и въ слѣдствіе того произошло большое неравенство. Вскорѣ вездѣ находилось извѣстное число гражданъ именитыхъ, богатыхъ, и населеніе рабочее, болѣе или менѣе многочисленное, которое, не смотря на то, что занимало низшую степень, имѣло великую часть вліянія на дѣла общины. Посему общины раздѣлились на высшихъ гражданъ и на классъ, подверженный всѣмъ заблужденіямъ, всѣмъ порокамъ черни. Высшіе граждане находились въ затруднительномъ положеніи между ужасною тягостію управлявшъ симъ низшимъ народонаселеніемъ и непрерывными покушеніями прежняго владѣльца общины, который спарался возвратить свою власть. — Таково было положеніе городскихъ общинъ въ XII вѣкѣ и долго спустя послѣ. И между тѣмъ жизнь въ городахъ, съ печеніемъ времени и съ успѣхами промысловъ, представляла все болѣе и болѣе разнообразія и усовершенствованія; сами гордые Вассалы, не находя въ замкахъ своихъ ни способовъ удовлетворять потребностямъ, увеличившимся въ слѣдствіе успѣховъ образованности, ни тѣхъ жизненныхъ удобствъ, какія представляла жизнь городская, стали переселяться въ города, заключая съ общинами особые договоры на право жительства среди ихъ; высшее же

духовенство, богатые монастыри избирали городъ мѣстомъ своего пребыванія и нерѣдко монастыри служили даже поводомъ къ основанію городовъ. И чѣмъ изъ болѣе разнородныхъ классовъ время слагало народонаселеніе города, тѣмъ болѣе между ними было шренія и обмѣна потребностей и понятій, тѣмъ многосложнѣе и разнообразнѣе дѣлались отношенія, и при всемъ томъ, что города мало, или вовсе (до XIV вѣка) не имѣли вліянія на общее управленіе Государства; при всемъ томъ, что городскіе жители, въ отношеніяхъ къ классу Вассаловъ и рыцарей, являли подобострастіе, города сами поставили уже себя въ полную независимость и безопасность опъ своеволія и насильствъ со стороны Вассаловъ, и имѣли способы всякой разъ прошивиться покушеніямъ сихъ послѣднихъ на ихъ независимость. Тогда настало славное время для городовъ; прудолюбивыя руки (*) сооружали валы и стѣны и вороша и рвы вокругъ мирныхъ жилищъ; каждый отецъ семейства, въ случаѣ нужды, опоясывалъ свой мечъ и съ копьемъ и съ палицею выходилъ за городскія вороша для отраженія нападенія несправедливаго. Тогда высоко надъ кровлями шихихъ домовъ поднимались башни Рапушь, смѣлыя, воздушныя, фантасмическія спрѣлы колоколенъ надъ готическими сводами церквей. Города подобились муравейникамъ, въ копорыхъ шисычи входили, и выходили, прино-

---

(*) Дешполдъ.

ся съ собою довольство и сокровища. Тамъ спускалъ молодежь кузнеца, жужжали челноки на спаннахъ и колеса въ прядильняхъ; шамъ рынки кипѣли народомъ, шамъ вѣяли паруса на приспанныхъ рѣчныхъ и въ гаваняхъ моря. Все жило, двигалось, все дѣйствовало свободно и безпрепятственно для набогаченія, свободы и удовольствія. И въ высшихъ училищахъ Доктора и Баккалавры и мастера семи свободныхъ Искусствъ (*) наставляли любознательное юношество и вымышляли и изобрѣтали; и въ укромныхъ мастерскихъ сидѣли тихіе художники, и вырѣзывали, и живописали, или предавались вдохновеніямъ Поэзіи, чшобы украсить важныя заботы жизни беззаботной ясностію Искусства.

67. Такъ съ XI до XIII вѣка вырабатывалась жизнь городская въ разныхъ земляхъ Европы, различно въ подробностяхъ, но сходно въ главныхъ чертахъ своихъ. Въ Италіи прежде всего образовались города, попому, чшо въ ней больше чѣмъ въ другихъ земляхъ Европы, сохранились муниципальные уставы древняго Рима, и попому, чшо Италія, главный театръ борьбы между духовною и свѣтскою власстію, болѣе другихъ земель испытывала надъ собою и слѣдствія сей борьбы, бывъ раздѣлена на двѣ противныя партіи, копорыя, подъ именемъ Гвельфовъ (партія Папская) и Ги-

---

(*) Семь свободныхъ Искусствъ были: Грамматика, Риторика, Діалектика (Trivium), Ариметика, Геометрія, Астрономія и Музыка (Quadrivium).

беллиновъ (партія Императорская) наполнили Италію смутами и кровію, и тогда еще, когда борьба, производившая сіе раздѣленіе, давно уже кончилась и названія Гвельфовъ и Гибеллиновъ уже потеряли свое первоначальное значеніе. Ласкаемые и покровительствуемые попеременно по Императорами, по Папами, искусно и хитро придерживаясь по одной, по другой стороны, города Италіи (особенно Верхней) усилились. Владѣльцевъ (*), копорыхъ замки находились почти у самыхъ воротъ того или другаго города и копорые имѣли еще въ своихъ рукахъ судъ и расправу по городамъ, выгоняли горожане изъ ихъ помѣстьевъ, или принуждали ихъ дѣлаться членами своей общины, согражданами своими, и шѣмъ самымъ пріобрѣтали новое приращеніе своему могуществу. Многіе Вассалы дѣлались горожанами по доброй волѣ, чпобы быть участниками той особенной степени безопасности, довѣренности и уваженія, которая пріобрѣтена была членами общинъ при возрастаніи богатства и силы ихъ. При умножавшемся непрерывно народонаселеніи, въ составѣ копорого находились знатнѣйшія фамиліи прежнихъ Вассаловъ, при возраставшемъ непрерывно богатствѣ, привлекаемомъ въ города Италіи обширною торговлею, коей рано (съ начала Крестовыхъ походовъ) они сдѣлались главными рынками, легко возникла въ городахъ сихъ мысль о

(*) Робертсонъ.

самостоятельности и полной независимости отъ владыкъ Германіи, которые, по своему шишулу Римскихъ Императоровъ, думали имѣть неоспоримое право на полное владычество и надъ Италією. Для достиженія сей цѣли, города Верхней Италіи заключали между собою союзы, въ особенности, когда силы, направленные Императоромъ Фридрихомъ Барбароссю, привели сіи города въ трепетъ за свою независимость. Такъ соспавился Ломбардскій союзъ, котораго главою былъ Медіоланъ. Разрушеніе сего города (1162) должно было послужить урокомъ для прочихъ; Ломбардскіе города присмирѣли; но едва могущественный Императоръ перешагнулъ за Альпы, опозванный изъ Италіи волненіями Германіи, какъ снова возспалъ Ломбардскій союзъ, подъ начальствомъ Вероны (г. 1164) и снова и успѣшно боролся съ Императоромъ, при покровительствѣ Папы Александра IV, дѣйствовавшаго въ духѣ Григорія VII. Ломбардскіе города опсояли свою независимость, утвердили ее миромъ въ Костницѣ (г. 1183), гдѣ уступивъ Императору наружность власти, какъ бы только для оправданія его шишула, получили города утвержденіе своихъ вольностей, право судиться своимъ судомъ и управляться своимъ начальствомъ, и устранивъ себя такимъ образомъ отъ подданства Римскому Императору, сдѣлались мало по малу Республиками. Нѣкоторые, не многіе изъ нихъ, умѣли удержатъ сію форму правленія; другіе въ послѣдствіи сдѣлались

столицами разныхъ монархическихъ Государствъ, но уже въ такое время, когда классъ промышленный былъ и многочисленъ и силенъ, и когда и сами Монархи уже знали ему цѣну. Долге всѣхъ и болѣе всѣхъ блистала Венеція, Республика, на копорую (*) въ средніе вѣки нельзя смотрѣть безъ удивленія и радости, такъ какъ нельзя вспомнить ея позднѣйшей судьбы безъ глубокаго прискорбія, хотя впрочемъ и должно безспорно согласиться съ тѣмъ, что такіе города и такіе союзы городовъ, произведенные смутнымъ состояніемъ народовъ и недостаткомъ сильныхъ, законно усвоенныхъ Государствъ, споль же мало могли быть прочны, какъ Папская влассть, Вассальство или Рыцарство среднихъ вѣковъ. Длительность умовъ и рукъ, возникшая въ городахъ Италіи, имѣла вліяніе и на Германію, состоявшую съ Аппенинскимъ полуостровомъ въ постоянной, невыгодной въ политическомъ отношеніи для обѣихъ сторонъ связи по шишулу Римскихъ Императоровъ, который съ X вѣка принадлежалъ владѣтелямъ Германіи, и на копоромъ основывали они права свои на Италію. — Подобный Ломбардскому союзу, и въ Германіи, и также въ слѣдствіе борьбы Императоровъ съ Папами и съ собственными Вассалами, образовался союзъ Рейскихъ городовъ, къ копорому принадлежали до 70 городовъ по сѣверу Рейна, Дуная и въ Нидерландахъ и главою

(*) Луденъ.

кошорога былъ Майнцъ. Сии города были складочными мѣстами товаровъ изъ Италіи въ Сѣверную Европу, и многіе изъ нихъ достигли по торговлѣ особой важности, отличались своимъ богатствомъ, великолѣпіемъ и многочисленностью; таковы были: Кельнъ, Майнцъ, Франкфуртъ на Майнѣ и Ниренбергъ въ Германіи, Генъ, Бригге, и особенно Антверпенъ въ Нидерландахъ. Еще важнѣе сего союза было соединеніе городовъ преимущественно Сѣверной Германіи, извѣстное подъ именемъ Ганзы. Это былъ могущественнѣйшій союзъ, къ кошорому принадлежало до 85 городовъ въ Сѣверной Германіи, въ Нидерландахъ, и въ странахъ по Нѣмецкому и Балтійскому морьямъ; главою сего союза былъ Любекъ. Ганза достигла такой силы и важности, что приводила въ ирененъ окрестныхъ Государей и рѣшиительно утвердила за собою всю торговлю Средней, Сѣверной и Сѣверовосточной Европы, рѣшиительно овладѣла промышленностію сихъ странъ. Начало обоихъ сихъ союзовъ было малое, незамѣтное для современниковъ и незамѣченное ими, поному не можно съ точностію опредѣлить эпохи, въ кошорую произошло оное; но безъ сомнѣнія, что начало освобожденія городовъ Германіи изъ-подъ ига феодальнаго должно отнести къ началу распрей (въ концѣ XI вѣка) Генриха IV съ Григоріемъ VII, распрей, сильно потрясавшихъ всю Германію; начало усиленія ихъ было продолженіе сихъ же самыхъ распрей и съ ними соединенныхъ внутреннихъ войнъ въ самой

Германіи при Императорахъ Гогенштауфенскаго Дома, и въ особенності въ царствованіе Фридриха I (въ концѣ XII вѣка), до спарости сохранившаго юношескій пылъ, неупомимую дѣятельность, но при всемъ томъ изнемогшаго отъ борьбы многосложной, нескончаемой; начало соединенія ко временамъ, споль же смутнымъ, послѣ Фридриха I при сынѣ его и внуцѣ, ему соименномъ (въ срединѣ XIII вѣка). Неисчислимыя блія послѣдствія, копорыя сіи города произвели своею дѣятельностію для жизни общественной; по вліяніе, какое имѣли они на ослабленіе феодальной системы и на освобожденіе общества Европейскаго изъ-подъ ея тягостнаго ига; но и сей союзъ спомощь въ Испоріи, какъ памятникъ такихъ временъ, въ копорыя, при опущеніи порядка и закона, ограждающаго безопасность цѣлаго общества, нужно было прибѣгать къ подобнымъ частнымъ соединеніямъ. — Во Франціи, и особенно южной, также находилось много городовъ, оспавшихся отъ Римскаго владычества и при всемъ разореніи и опустошеніи страны въ слѣдствіе безпорядковъ феодальныхъ, многіе города успояли и духъ муниципальный не совсѣмъ испребленъ былъ. Между тѣмъ во Франціи, ранѣе чѣмъ въ другихъ земляхъ, ушвердила власть монархическая свой перевѣсъ надъ Вассалами, и Король Лудовикъ VI (г. 1108-1137), пользуясь волненіемъ, копорое призывъ подъ знаменіе креста произвелъ во Франціи, оцашь боле чѣмъ въ другихъ земляхъ, самъ;

для большаго себя укрѣпленія прошивъ Вассаловъ, спалъ освобождать городскія общины, находившіяся въ его собственныя владѣнія; примѣру Королевскому послѣдовали, волею и неволею, могущественные Вассалы, и въ печеніе XII вѣка во Франціи уже много было городскихъ общинъ съ особенными своими привилегіями; въ срединѣ XIII, Лудовикъ IX (г. 1229-1270) ограждалъ безопасность городскихъ жителей особыми законными постановленіями, а Филиппъ IV, въ борьбѣ своей съ Папою Бонифаціемъ VIII, пригласилъ представителей городскихъ общинъ на Сеймъ государственный, и имъ самымъ призналъ сословіе горожанъ особеннымъ классомъ народа, имѣющимъ уже определенное и почетное мѣсто въ разрядѣ общественномъ. — На Пиренейскомъ полуостровѣ долговѣчный, неумолкный бой съ Маврами придавалъ городамъ также особую важность, пошому что города представляли собою укрѣпленныя мѣста, твердые пункты, въ которыхъ война могла вѣдана бытъ съ невѣрными, и уже съ исхода XII вѣка Депушаны городскіе имѣють мѣсто и голосъ въ государственныхъ собраніяхъ, помогая и людьми и деньгами въ продолженіе войнъ съ невѣрными. Опличіе, представляемое городами Пиренейскаго полуострова опъ прочихъ городовъ Европы въ средніе вѣки, въ томъ состоитъ, что въ городахъ Испаніи и Португаліи не было гильдій и цеховъ, и промышленность не была монополіею какого нибудь одного класса. — Совсѣмъ инымъ,

можно сказать обратнымъ прошиву прочей Европы образомъ, учредились города въ Англіи. Если въ Испаніи, Франціи и Германіи Государи спарались учреждать ихъ и увеличивать, чшобы имѣть въ нихъ опору прошивъ Вассаловъ, по въ Англіи Вассалы сами способствовали къ ихъ возвышенію. Сіе соединеніе Вассаловъ и городскихъ общинъ прошиву Королевской власни можно приписать пому, чшо въ Англіи феодальная система введена была, какъ учрежденіе годовое и зрѣлое Вильгельмомъ завоевателемъ, (35). Спрогость, проспирившаяся до жестокости, съ кошорою Вильгельмъ поддерживалъ свое нововведеніе, соединила всѣ классы жителей Англіи въ чувствѣ недовѣрчивости и непріязни къ новому Королю и его соупникамъ, власнишельство копорыхъ до шого проспиралось, чшо они хотѣли даже испребить языкъ побѣжденнаго народа; смуты за наследство прешола, начавшіяся послѣ неожиданной смерти сына Вильгельмова, Вильгельма II (г. 1100); слабостъ преемниковъ Вильгельма II и между нѣмъ ихъ усилія удержашъ въ своихъ рукахъ ту же самую власть, кошорая основана была Вильгельмомъ I, — все сіе, взятое вмѣстѣ, соединило Вассаловъ съ городами къ возстанію прошивъ Королей и уже Король Генрихъ I (г. 1100-1135) вынужденъ былъ дать привилегію городу Лондону, а Иоаннь Безземельный знаменитою Великою Харшією (Magna Charta, г. 1215) ушвердилъ таковыя для всѣхъ городовъ. Тогда преобразованъ былъ учрежденный

Вильгельмомъ Завоевателемъ на мѣсто прежнихъ собраний (Виппеннагемпъ) Парламентъ, который прежде сославляли только не многіе Бароны, Вассалы Королевскіе, и въ которомъ тогда приняли участіе и представители другихъ сословій, а когда по положенію въ XIV вѣкѣ, Парламентъ раздѣленъ былъ на Верхній и Нижній, то въ семь послѣднемъ Депушамы городовъ заняли главное мѣсто.

68. Но что же выиграли для сего времени Государства Новой Европы чрезъ то, что они покрылись городами и союзами городовъ? Ничего для наспоящаго времени! Къ двумъ уже существовавшимъ элементамъ: сословію Вассаловъ и сословію духовенства, опдѣльнымъ и враждебнымъ другъ другу, присоединился еще *третій*:— городскія общины и также враждебный имъ обобщимъ, ибо города насильственнымъ освобождались отъ власти духовныхъ и свѣскихъ Вассаловъ, и усилясь, спремилась присвоить себѣ важное мѣсто въ обществѣ, на перекоръ имъ обобщимъ сословіямъ, въ рукахъ которыхъ были доселѣ всѣ выгоды жизни. Въ самыхъ учрежденіяхъ городскихъ общинъ отражался духъ Среднихъ вѣковъ, духъ опдѣльности, мѣстности; самые города носили на себѣ печать общую вѣка, печать феодализма; самое раздѣленіе промышленныхъ горожанъ на гильдіи и цехи и самыя правила сихъ особенныхъ плѣсныхъ соединеній людей, занимавшихся въ городѣ однимъ ремесломъ, однимъ искусствомъ, было подражаніе, то рыцарскимъ,

по монашескимъ усавамъ и обычаямъ, и сіе раздѣленіе, развиваясь и укрѣпляясь, грозило подчинить всю промышленность пѣтосиннымъ и спѣснительнымъ правиламъ монополіи, задержавъ и вовсе остановивъ усовершенствованіе, пѣмъ болѣе, что сіи спѣснительныя постановленія простирались не на одни механическія, но и на самыя Изящныя Искусства, напримѣръ на живопись. Слѣдственно въ исходѣ XII вѣка общество Европейское получило такой видъ, что при сославныя его части: *Вассалы, Духовенство и Городскія общины* спояли въ полной зрѣлости своей, образовываясь и вырастая отдѣльно другъ отъ друга въ періодъ отъ исхода V-го до исхода XII вѣка. Они и въ XII вѣкѣ спояли отдѣльно и, какъ сказано выше, враждебно. Въ свойствѣ и въ стремленіи ихъ не было никакой причины къ ихъ сближенію и слиянію въ одно спройное цѣлое, и слѣдственно Европа все еще далека была отъ того соспоянія, чтобы въ ней образовались Государства самоспояпелныя, въ которыхъ исчезли бы всѣ мѣспности, частности и возможно высшая степень благоденспвія сдѣлалась бы долею не нѣкоторыхъ только особенныхъ, немногочисленныхъ классовъ людей и по возможности доступна была милліонамъ, всѣмъ членамъ общества. Для того, чтобы изъ Европы XII и XIII вѣковъ, раздѣленной между прѣмья сказанными сословіями, вокругъ которыхъ народы все еще спавадись въ нищету и невѣжестай, чтобы изъ такой Европы могли обра-

зоваться Государства благоустроенныя, нужно было: 1-е, чшобы какое нибудь великое событіе, возбудивъ къ себѣ равное участіе во всѣхъ господствующихъ сословіяхъ, не смотря на различіе спремленія каждаго изъ нихъ, сблизило ихъ и ознакомило; 2-е, чшобы образовалась и утвердилась среди общества власть, которая бы, спюя выше выгодъ частныхъ и мѣстныхъ, не принадлежа ни къ какой партіи: ни къ феодальной, ни къ духовной, ни къ городской, и слѣдственно не омраченная видами партіи, соединивъ подъ своимъ вліяніемъ всѣ сіи разнородныя элементы, слала бы ихъ и направила къ одной общей цѣли. И силою Исторіи дарованы Европѣ сіи два величайшія орудія общественнаго образованія: *первое* изъ нихъ были Кресповые походы; *второе* власть монархическая, послѣ Кресповыхъ походовъ начавшая рѣшительный бранъ перевѣсъ надъ разнородными элементами общественной жизни и пріобрѣтатель силу къ сліянію сихъ элементовъ въ одно спройное цѣлое. Опъ исхода XII до исхода XV и начала XVI вѣка раскрывающся и дѣйствія Кресповыхъ походовъ и вліяніе монархической власти на общество и начинается эпоха перерожденія Европы.

III.

КРИТИКА.

Замѣчанія на Слово Г. Профессора Надеждина.

Въ N№ 208 и 209 Сѣв. Пчелы 1833 г. прочель я письмо Кудринскаго жишеля, въ коемъ разсмашириваешся Слово Г. Профессора Надеждина о современномъ направленіи Изящныхъ Искусствъ. Прочитавъ это Слово, я удивился снисходительности Рецензента къ сочиненію столь слабому и вмѣстѣ столь рѣзкому въ сужденіяхъ. Изящныя Искусства въ Россіи начинаютъ прогашься съ мѣсна бездѣйствія; пробуждаются опъ глубокаго усыпленія, до коего довели ихъ неудачи людей безпаланннхъ, холодность публики, недоспашокъ ученія и аристокрапія многихъ Писателей, коихъ неумѣстное хвасповство и неосновательная гордость весьма похожи на важничанье Донъ-Ранудо-де-Калибраторь. Но если позволимъ и въ настоящее время тѣмъ же недугамъ усиливаться, съ тою же, если не съ болъшею силою; — если, опложивъ въ спорону насмѣшку, какъ полу-мѣру, не обличать явственнo и безприсраспно злонамѣреннаго себялюбія или вредной проспошы, копорая иногда прикрывается непроницаемьмъ мракомъ, запушаннаго, напыщеннаго слога, — тогда нельзя поручиваться, не возвращаешся ли Искусства къ истъ

давнему бездѣйствію и не погибнуть ли прежде-
временно роскошные и многообѣщающіе оппры-
ски паланшовъ различной спешени. — Я гово-
рю эло въ опношеніи къ людямъ, кои имѣють,
или хотяпть имѣть вліяніе на образованіе чув-
ства изящнаго на-Руси. Не спорю, успѣхъ вку-
са связанъ съ успѣхами паланшовъ, но не менѣе
шого и съ успѣхами теоретическаго ученія, ко-
шорое, въ наше время, едва ли не составляетъ
единственнаго, по сей часпши, пупеводителя въ
Россіи. — Въ Ишалии Искусства не пребовали
теоріи, ибо цѣнишелемъ художественныхъ про-
изведеній — былъ весь народъ, вся масса людей,
кои могли созерцать, слышать, чувствоватъ
сіи произведенія; кому въ Ишалии, во время цвѣ-
пшенія Искусствъ, загражденъ былъ доступъ на
зрѣлище Изящнаго? — У насъ, напротивъ, пуб-
лика почти въ споронѣ, если публикою назо-
вемъ массу народа; одни только образованные
люди пользуются симъ преимуществомъ, а по-
сему не жалко ли смотрѣть на будущее поко-
лѣніе, кошорому предлагають въ науку столько
сбивчивыхъ положеній, столько ложныхъ сужде-
ній, столько смѣшныхъ свѣдѣній, какъ шо за-
ключаетъ въ себѣ Слово Г. Надеждина. — По-
ложивъ за правило, для пользы любимаго оппече-
ства, не презираетъ ничѣмъ, что можетъ при-
нестп пользу или вредъ просвѣщенію, я рѣшил-
ся, сколько возможно короче, представитъ на
судъ благонамѣренныхъ и безпристрастныхъ лю-

бисепей Излщнаго нѣскольпо замѣчаній на Слово Г. Надеждина.

Слово сіе заключаешъ въ себѣ примѣры различныхъ неудачъ: 1-е, примѣръ неудачной учености; 2-е, примѣръ рѣзкости сужденій о предметахъ, пребующихъ не духовнаго, а чувственнаго созерцанія; 3-е, примѣръ опрометчивости въ сужденіяхъ о предметахъ, о коихъ нельзя говорить, особенно публично, безъ предварительныхъ и основательныхъ свѣдѣній; 4-е, примѣръ смѣшнаго упрямства — открывашъ новыя спорныя шашъ, гдѣ рѣшительно ихъ бытъ не можетъ, — и наконецъ 5-е, говоря словами Авпора, примѣръ *хвастливой напыщенности* выразеній, доходящей до *френтическаго состоянія*.

Неудачною ученостію я называю то неправильное, безпорядочное соединеніе многостороннихъ, но не полныхъ, часно отрицательныхъ познаній, въ коемъ нѣтъ явственной, видимой системы, нѣтъ порядка, предписываемаго здравымъ разсудкомъ. — Капалогъ прочитанныхъ книгъ и кудрявыя изъ оныхъ выписки, не передуманныя собственнымъ умомъ или дурно передуманныя, не составляютъ еще учености. — Прочесъ множесво книгъ, знанъ (можетъ бытъ) мелчайшія подробности съ опдаленной древности; выписашъ ихъ, на удачу, безъ криптики, безъ размышленія, не освѣпши ихъ надлежащимъ образомъ, а напропшвъ запомнимъ то, что доселѣ было ясно; — не естъ ли это ученость неудачная, повтореніе роли, которую, къ несча-

стію, опть времянь Тредіаковскаго, до нашихъ времянь, пакъ много людей играли, ко вреду просвѣщенія вообще и Искусствъ въ особенності. Доказательствомъ сему служилъ воззрѣніе Г. Надеждина на первобытное направленіе Изыщныхъ Искусствъ древняго міра. Рѣшишельно не сказавъ, по сему предмету, ничего новаго, онъ однако же, съ пѣмъ вмѣстѣ, не сказалаь ничего истиннаго!! Обременивъ рѣчь свою выписками мелчайшихъ археологическихъ разысканій, ни къ чему не ведущихъ и почти всякому, занимающемуся науками, извѣстныхъ, въ шочибѣшемъ однакоже видѣ, онъ выказываетъ какую-то ученическую хвастливостъ блеснуть пѣмъ, что онъ читалаь, изумилъ пѣмъ, сколько читалаь; но опяшь повшорю: не въ шомъ сила: *сколько и что* прочитано? — а *какъ* прочитано? — А извлекая всѣ относящееся до древняго Искусства изъ почтенныхъ и дѣйствительныхъ хорошихъ Писателей, къ чему повреждаешь истину ихъ свидетельствъ своими прибавленіями, часто во всей цѣлости своей ложными? Гдѣ, спросимъ, напримеръ, читалаь Г. Надеждинъ, что зданіе Вавилонскаго шолба (стр. 16) было первымъ опытомъ чловѣческаго Искусства? что шолбъ сей былъ шипомъ современной художественной дѣятельности? Такъ ли понялаь Г. Надеждинъ Св. Писаніе, на которое ссылается; сомнѣваюсь; но за что совершенно увѣренъ, что Архитектура Вавилонскаго шолба вовсе, ему не известна, не смотря на приводимое имъ примѣчаніе, въ коемъ

говорился даже о признакахъ огня небеснаго, видимыхъ на разрушенныхъ оспалкахъ сего зданія. Мнѣ кажется, что планъ спроеію Вавилонскаго сполба не могъ бы возникнуть въ головѣ, пораженной опасностью вторичнаго попопа, если бы примѣры другихъ зданій огромныхъ и докончанныхъ не подспрекали Вавилонскіа Архитекторовъ върояшною, по видимому, возмощноспію. — Г. Профессоръ говоритъ, что всю испощію первобытныхъ Искусствъ можно назвать продолженіемъ сполпошворенія и вслѣдъ за симъ исчисляеть оспалки разныхъ памянниковъ Зодчества, совершенно различныхъ въ своемъ созданіи и искусшвенномъ значеніи. Колосъ Мемноновъ неужели предспавляетъ чудовищное, безмърное созданіе, слѣдспвіе необузданныхъ (если я хорошо понимаю языкъ Орапора) воспороговъ первобытнаго Египта? — Я не видалъ Мемнонова колосса; Г. Надежинъ, надѣюсь, также; но свидѣтельспво Испориковъ, кажется, рѣшительнo прошиворѣчилъ мнѣнію Орапора. Слѣдуя свидѣтельспву Испориковъ, онъ не предспавлялъ ничего ни чудовищнаго, ни безмърнаго, а по математической точности, какой пребовала цѣль сего колосса, и не могъ того предспавить. — Воскликнувъ: »вопъ пластическіе памянники времянъ первобытныхъ!« — Орапоръ черезъ нѣсколько спрочекъ говоритъ, что »въ много различныхъ проявленіяхъ первобытнаго генія могущество пворящаго духа, какъ будто вступаешь въ бой съ безпредѣльностію Природы,

усиливаясь наполнить ее собою. «Слѣдственно *духовность* была главнѣйшею отличительною чертою первобытнаго Искусства? Не такъ ли? Вопль какъ дурно читашь Вико и Гердера, не понимая? Г. Профессоръ говоритъ, что и первобытная Поэзія раздавалась глухимъ *ропотомъ дикой Гармоніи*, подобно тяжельмъ ударамъ Циклоповъ. — Описавъ выше первобытному искусству въ движеніи, физиономіи, жизни, не удивительно, что Орапоръ положилъ сію спранныю печать и на Поэзію, вѣроятно по той же причинѣ, что въ нее, какъ и въ Искусство вообще, вливался весь шворящій духъ. Но гдѣ доказательства? Г. Надеждину угодно было и колоссы Мемноновъ и Египетскія пирамиды считать безобразными, уродливыми, чудовищными; пожалуй; Орапоръ ихъ не видалъ, а предметы невиданные часто сняты въ опшрашительномъ видѣ; но о Поэзіи, спрашиваю, о первобытной Поэзіи, откуда Г. Профессоръ извлекъ такое свидѣніе? Не Зендавеста ли заключаетъ въ себѣ эпоху ропота дикой гармоніи? Энциклопедисты обыкновенно судятъ подобнымъ образомъ; извинительно; они не знаютъ подробныхъ претованій частныхъ теорій; но Орапору нашему слѣдовало поприлежиѣ подумать или даже только повнимательнѣе прочесть по же самое, что онъ читалъ, и эша выходка сама собою была бы уничижена. Замѣшимъ однако же, не такъ должно читашь Зендавесту; не много менѣе самоувѣренности, не много болѣе познаній въ теоріи

Искусствъ и въ самыхъ Искусствахъ — и Зендавеспа не раздасяся глухимъ ропозомъ дикой гармоніи. — Не понимаемъ, какъ можно говорить несообразности, противорѣчія, не замѣчая ихъ явственнаго, смѣшнаго сдѣвленія! За симъ идушь выписки изъ разныхъ Авторовъ шакимъ же образомъ украшенныя напыщеннымъ, френетическимъ слогомъ, иногда вовее лишеннымъ смысла, физиономіи, жизни, какъ Мемноновъ колоссъ, — но только въ Словѣ Г. Надеждина — и обращающимся въ глухой ропозъ дикой гармоніи, какъ Зендавеспа того же Орапора. Не хочу болѣе доказывать неудачной учености Г. Надеждина; почему? Чиншатели увидяшь.

Примпры рѣзкости суждений о предметахъ, требующихъ не духовнаго, а чувственнаго созерцанія.

Въ эпомъ отношеніи Г. Профессоръ Теоріи Изычныхъ Искусствъ не обрашилъ своего вниманія на то, что произведенія образовательныхъ Искусствъ никогда не могутъ быть разбираемы умомъ, когда ихъ не видѣлъ глазъ; именно только чувственное созерцаніе даешъ возможность душъ нашей вкусить наслажденіе Изычнымъ опъ произведеній образовательнаго Искусства вообще. Очень вѣрояпно, что Г. Надеждину не понравилось бы то, что нравилось Вильгельману, и на оборопъ. Да и какимъ образомъ я могу представивъ себѣ Аѣинскую Школу Рафаэля, во всей полношѣ ея доспомислвъ и недоспашковъ, если

только прочитавъ превосходное описаніе оной, или даже увижу отличный эстампъ? Могу ли я постигнуть безконечно разнообразныя описанія гениа, коихъ ни какой гравёръ, а шѣмъ болѣе ни какой Писатель не въ силахъ передать, въ малой даже степени? Не сочтеть ли самъ Орашоръ сужденія моего о знаменитой Школѣ, при такихъ условіяхъ, дерзоснѣю ребенка, копирый, зная снисходительность родителей, осмѣивается, въ ихъ присутствіи, рассказывать лебѣлицы? Если мы что либо печатаемъ по чести Изыщныхъ Искусствъ, неужели не помнимъ, что спросъ къ этимъ самымъ Искусствамъ вела многихъ въ Испанію; другіе, будучи лишены возможности путешествовать, на мѣстахъ юсильно собираютъ малѣйшія свѣдѣнія и пользуясь всякимъ случаемъ наслаждаются изыщнымъ, для этого нужно сколько нибудь и познаній въ Искусствѣ; — но въ порожесивенномъ Словѣ, въ кошоромъ съ такою увѣренноснѣю, можно казать съ такимъ упрямствомъ, говоривша о направленіи Изыщныхъ Искусствъ, — изъ какой нибудь поверхностной книжки, назначенной для оспинаго и обѣденнаго обихода, какъ напр. Conversation's Lexicon, приводимый орашоромъ въ вторителѣ своихъ сужденій, выписать съ такимъ хладнокровіемъ нѣсколько великихъ именъ съ такимъ жаромъ оскорбить ихъ достоинствомъ ожными сужденіями и пустыми всѣмъ извѣстными, да еще и не безъ ошибокъ замѣчаніями... хъ! Г. Профессоръ! Это ужасно, для меня, про-

стаго любителя; что же скажутъ Художники? Да, Гг. Художники, вотъ что говоритъ Орапоръ о направленіи новой Живописи:

«Не много поребно вниманія замѣтить, что художественныя произведенія новаго Европейскаго генія представляютъ въ себѣ явную, рѣшительную противоположность древнему Греко-Римскому (?) стилю. Тамъ очевидно господствовало стремленіе къ свѣтлому, восхищительному благолѣпію вѣшней Природы, царствовало безусловное изящество формъ (а въ новой Живописи безобразіе, что ли?); здѣсь, напротивъ, выражается постоянное самоуглубленіе (неужели въ храмѣ Св. Петра или въ Психей Рафаэля?) шворящаго духа внутрь себя, обращеніе къ незримому (!), безплесному (!!) міру, гдѣ почишаетъ таинственный первообразъ невестественной красоты (неужели это извѣстно на вѣрно Г. Надеждину?) владычествуетъ *безплотная* (?) *гармонія* (?) *идей* (???!!)»

По возможности догадываясь о томъ, что хотѣлъ сказать Орапоръ въ сей фразѣ, спросимъ его: гдѣ доказательство, что древнее Искусство (образовательное, замѣтите) стремилось безусловно къ изображенію вѣшней природы? По остаткамъ, до насъ дошедшимъ, никакъ не можете вывести такого заключенія. А группа Лаокоона? Неужели достоинство ея только въ изяществѣ формъ; думаю, что въ ней есть кое-что и поважнѣе, чего однако же не замѣчаетъ Археологія, а чувство и вкусъ. Поло-

жимъ однако же, изъ шулки, что Орапоръ говоритъ дѣло; но неужели можно повѣрить, даже изъ шулки, что новая живопись спремилась къ прошивному? можетъ ли она обращаться къ незримому, безпѣлесному міру, куда и Философія доходишь самыми невѣрными путями, да полно еще и доходишь ли? — Рафаэль, можно сказать, предснанишель новой живописи, писалъ изведе-ніе Пепра изъ пемницы и пожаръ въ Вашиканъ, чудеса Христіанской Религіи и Парнасъ, Аѳинскую школу и Испорію Психеи. Орапоръ рѣшился сказать свою голословную фразу не безъ умысла; онъ ведетъ рѣчь свою къ доказанію, что шеперь всѣ Искусства спремилась къ общности, а прежде они расходились въ своихъ направленіяхъ, и для этого жершвуешь истиной; но не возможно шакъ грубо шупишь надъ внимательностію слушаателей; кпо малѣйше присматривался къ произведеніямъ живописи, и примѣчалъ ея ходъ, согласился, что сіе Искусство совершенно не по эпои лѣспницѣ шесивуешь. Орапоръ упустилъ изъ виду, что направленію каждаго Искусства въ однихъ отношеніяхъ препяшствуешь, въ другихъ содѣйствуешь механизмъ его; и нигдѣ болѣе механизмъ не препяшствуешь спремилась къ незримому, безпѣлесному міру, какъ въ живописи; напрошивъ шого въ музыкѣ механизмъ безсиленъ для изображенія предметовъ зримыхъ, пѣлесныхъ. — Опѣ чего же родилась шакая спранная мысль въ Слово Г. Надеждина? Во - первыхъ: опѣ желанія опкры-

вапъ въ предмепахъ новыя спороны, вовсе въ нихъ несущесшвующія; во-впорыхъ опъ незнанія самаго предмета. Докажемъ послѣднее, ибо о первомъ будемъ говорить особо.

Выписавъ имена Чимабуе, Джіорджіо и Мазаччіо, Орапоръ говоритъ, что «творческая дѣятельность достигла высочайшаго своего *зени-та* (?) въ безсмертномъ пріумвиратѣ всеобъемлющаго Леонарда да Винчи, исполинскаго Микель-Анджело и божественнаго Рафаэля Санціо.» Не знаю, почему соединилъ ихъ Г. Надеждинъ въ одно мѣсто, пропустивъ Тиціана Вечели и Джіорджіоне, кошорые, по рожденію, идутъ прежде Рафаэля, по спешени генія, не далеко отспоятъ опъ него. Если они исключены изъ списка знаменитыхъ современниковъ по той только причинѣ, что оба принадлежатъ къ Венеціанской школѣ, то я не вижу причины, почему допущены въ пріумвиратъ два первые, принадлежавшіе къ Флорентинской, тѣмъ болѣе, что Рафаэль родился 31-мъ годомъ позже Леонарда, и въ спрогомъ смыслѣ, для пріумвирата, нельзя назвать ихъ современниками, тогда какъ Тиціанъ только 13-ю, а Джіорджіоне 12-ю годами были старше Рафаэля. Припомъ въ общемъ дѣлъ Искусства Тиціанъ, думаю, имѣеть преимущество не менѣе Леонарда да Винчи, во-первыхъ какъ основатель Венеціанской Школы (изъ коей произошли Себасціанъ дель Піомбо, Джакомо Робустти, прозванный Тинторетомъ, и многіе другіе), а во-вторыхъ, какъ геній производи-

пель, чего, кажешся и доказываешь нѣшь нужды. И такъ можно ли основываешь на споль необстоятельной, ничтожной выпискѣ нѣсколькихъ именъ общую идею о направленіи Живописи? Кто не знаешь дѣйствовашелей, не можешь знать и рода ихъ дѣйствій.... Кто пропускаетъ Тиціана, не слишкомъ большою знапокъ въ Живописи; кто не знапокъ, пошь объ Искусствѣ судить не можешь. — Въ одномъ изъ примѣчаній Орапоръ говоритъ о Микель-Анджело: »И сей великій Художникъ былъ такъже вмѣстѣ Зодчій, ваятель, Живописецъ и Поэтъ. Универсальность Генія, въ сію роскошную эпоху, была какъ будто обыкновеннымъ удѣломъ Художниковъ.« Совсѣмъ нѣшь. Опять поверхностная выписка съ прибавленіемъ ложнаго мнѣнія. Кто же болѣе, кромѣ Бонароти и да Винчи, въ эту эпоху представляешь примѣръ универсальности генія? Напротивъ, почти два столѣтія позже, Сальвадоръ Роза, а въ недавнемъ времени Гофманъ представили примѣры, что универсальность генія не принадлежишь какой либо эпохѣ исключительно.

»Въ храмѣ Св. Петра, говоритъ Орапоръ, созданномъ исполинскою моцію Микель-Анджело, великіе идеи не подавлено излществомъ формъ.« Не понимая смысла сей фразы, я только удивляюсь рѣшительности Г. Надеждина — сказаешь, что храмъ Св. Петра созданъ Микель-Анджело. Если только посмотришь на картину, представляющую наружный видъ Храма Св. Петра, на внутренній планъ его и узнаешь размѣры сей

церкви, легко можно понять, что одинъ чело-
вѣкъ, даже Микель-Анжелло, жившій 99 лѣтъ,
не могъ создать храма Св. Петра. Не спорю,
онъ могъ бы начертать планъ сему строенію,
но какому генію оставлена была честь послѣ
смерти, чтобы заснувшіе его мѣсто, съ offi-
сію, не спарались унизить своего предшественника
и не обезобразить намѣреній генія. — Это слу-
чилось и съ Микель-Анжелло въ другомъ полько
отношеніи, не при началѣ, а при окончаніи уже
храма С. Петра. Въ 1440 году Папа Николай
V предпринялъ воздвигнуть храмъ Св. Петра,
на мѣсто одрхлѣвшаго, въ продолженіе XI спо-
лѣтій, Базилика, построенаго Констанциномъ.
Работа шла не успѣшно до Юлія II. Сей Папа
избралъ Архитекторомъ для сего зданія знаме-
нитаго Браманца, но смерть не позволила се-
му оимичному Художнику привести въ исполне-
ніе своего плана. Мѣсто его заступили Джуліо
Санъ-Галло и Рафаэль (Санціо, прибавимъ для Г.
Надеждина). Преждевременная кончина сего по-
слѣдняго опять подала поводъ шарлатанамъ Ар-
хитекторамъ (кошорыхъ и въ Римѣ было до-
вольно) продолжать строеніе сего храма для соб-
ственныхъ выгодъ. Въ теченіе 26-ти лѣтъ ин-
триги мѣняли и Архитекторовъ и планы зданія,
и уже въ 1546 году Папа Павелъ III возложилъ
на Микель-Анжелло — окончаніе оного; Микель-
Анжелло не могъ уже ни создать, ни пересо-
здать храма; а только поправилъ, что было
возможно (при чемъ онъ привелъ въ исполненіе

идею своего соперника, даже ненавидимаго имъ Рафаэля въ отношеніи къ формѣ внушрняго кресла) и украсишь церковь великолѣпнымъ пантеономъ, вмѣсто купола. — Смерть не дала Бонароти возможности видѣть исполненіе его гигантскаго плана, но, къ счастью, зависть и себялюбіе безсильны уже были разрушивъ начатой куполь, за то имъ удалось измѣнить идею Бонароти на сценѣ фасада, который по плану Микель-Анджело долженъ былъ быть украшенъ опдѣльными и огромными колоннами, какъ въ пантеонѣ. — Я счелъ нужнымъ написати вкратцѣ испорію храма Св. Петра для убѣжденія Орапора, что нельзя основывати общихъ выводовъ на мелкихъ, случайныхъ, беспорядочныхъ свѣдѣніяхъ, и что часто одно слово разрушитъ обманъ и откроетъ настоящую степень учености, пѣтъ болѣе о такихъ предметахъ, какъ храмъ Св. Петра.

Не имѣя перпѣнія разсмапривати все, что говоришь Орапоръ о Искусствахъ: Живописи и Архитектурѣ, въ разныхъ мѣстахъ своего Слова, выищу только слѣдующее.

»Кисть Караваджіо низвела живопись изъ горней сраны идей, въ кругъ привіальной обыкновенности.« Нужно ли говоришь что либо въ защиту Караваджіо, или чипапели, я полагаю, послѣ шиликихъ опытовъ учености Орапора догадаются, что и эта выходка, почерпнушая изъ дурнаго источника, усыновлена имъ, по недоспапку, подъ рукой, лучшей. — Въ другомъ

мѣспѣ Г. Надеждинѣ, упрекнувъ Караваджіо въ привіалъности, споль учтивымъ образомъ, за спременение къ еспественности, упрекаешъ всю новую живопись въ недоспапкъ оной » въ произведеніяхъ Ново - Европейской живописи, гдѣ исключительною цѣлю было внушенное выраженіе фізіогноміи (что это такое?); сему выраженію приносилась въ жертву пластическая обрабопка формъ (гдѣ?), пакъ, что вещество большею часпію исчезало въ духъ (!); и оспюда излишняя искусственность *позъ* (?), *чрезмѣрная тугность колорита* (?), ослѣпительное злоупотребленіе свѣтлостіи (?), коими ознаменованы лучшія созданія возрожденной кисти (вошь какъ!) *Мадонны Рафаэля слишкомъ идеальны, Собеспдники Павла Веронезы слишкомъ ярки, Налды Рубенса слишкомъ тѣлесны, головы Рембранта слишкомъ свѣтлы.* «!!! Вѣдъ это не шушка; ручаюсь, чипашели, это не шушка; но кино изъ васъ пойметъ смыслъ этой фразы вообще и смыслъ рѣченій въ частности? Чшо значить *тугность колорита*? Неужели Орапоръ мѣппитъ на то, что большею часпію, какъ ему казалось, писали масляными красками; иначе бытъ не можешъ; это послѣднее средство къ исполкованію шучности колорита: или Орапоръ подразумивалъ жиръ краски, или это кругомъ галимашья, хопя и въ первомъ случаѣ эта фраза ничѣмъ ошъ галимашьи не опличаешся.

Чипая сію рѣчь вообще, — я нахожусь въ большомъ затрудненіи рѣшить: пушешеспивалъ

ли Г. Надежинъ, или нѣтъ? Пошому, о чемъ онъ говоришь, казалось бы, что Орапоръ видѣлъ многое множество картинъ, копорыхъ на Руси и не бывало; по шому, *что* онъ говоришь, боишь-ся вѣришь его путешествованію; прочитавъ, наконецъ, что головы Рембрандта слишкомъ свѣшлы, усомнишься и въ шомъ даже, видѣлъ ли Г. Надежинъ по крайней мѣрѣ Пешербургскій Эрми-тажъ!

Примѣры опрометчивости въ сужденіяхъ о та-кихъ предметахъ, кои требуютъ основательныхъ предварительныхъ свѣдѣній.

Подъ энимъ я подразумѣваю рассказы или лучше гопическія фразы Г. Надежина о Музыкѣ. Онъ говоришь, что въ какой-шо *вѣкъ общаго гвиенія жизни*, Живопись, по милоспи Каравад-жіо дошла до шривіальности, а *величественная гармонія Музыки разсыпалась на рулады и фуги*. Теперь спросимъ любаго музыканта, кошо-рый не ограничиваетъ своихъ занятій Фран-цузскими кадрилими и романсами, когда возникла величественная гармонія Музыки? Кого подозрѣ-ваетъ въ эшомъ смѣшномъ переворотѣ Музыки Орапоръ?—Неужели ходъ сего Искусства имѣетъ такую шѣсную связь съ философическими бред-нями свѣшоулучшителей, что даже принимаетъ на себя цвѣтъ ихъ умствованій? Примѣчаю изъ словъ (коихъ не много числомъ, но довольно, что-бы раскрыть ихъ собственную пустошу) Ора-шора о Музыкѣ, что ему сіе Искусство шло

же мало известно, какъ и архитектура Вавилонскаго спола.

Механизмъ составляетъ, какъ я сказалъ выше, главнѣйшую сущность Искусства въ отношеніи предметовъ, имъ выражаемыхъ. — Музыка, по своему механизму, совершенно чужда плѣснато, вещественнаго міра, пакъ какъ, съ позволенія Орапора, Живопись, пакже по механизму, совершенно чужда незримаго, безплѣснаго. Двѣ различныя области, два различныя механизма! Естественно, Искусства сіи не имѣють ни какаго между собою сродства, а посему и не могутъ идти непрерывнымъ, одинакимъ путемъ. — Теперь не покажется оскорбительнымъ, если скажу, что вышепроеписанная фраза Орапора есть абсолютная ложь. — Чья величественная гармонія Музыки разсыпалась на рѣлады и фуги? Вы никогда не догадаешесь, господа музыканты! Это величественная гармонія старой Италіанской музыки разсыпалась на рѣлады и фуги (Слушайте, слушайте!) Генделя, Гайдна, Глюка, Перголези, Моцарта!!!... Никто до нашего Орапора никогда бы не подумалъ, что сіи великіе композиторы жили въ періодѣ всеобщаго гнѣнія жизни! — Описывая упадокъ Искусствъ, Орапоръ утверждаетъ, что онъ совершился съ окончанія тридцатилѣтней войны до окончанія Французской Революціи, слѣдственно, опредѣляя годами, съ 1648 по 1800 годъ. Неужели это промахъ? И по нѣтъ. Это во-первыхъ, совершенное незнаніе предмета, а во-вторыхъ,

рыхъ несчастное желаніе умничать и философствовать по какой нибудь системою, не повѣряя ее съ фактами, а подбирая нечаянно пойманные слухи подъ случайную мысль, которую гордость ученика выдаетъ за систему. Люди образованные такую систему у дѣшей зовутъ упрямымъ, а у взрослыхъ педантизмомъ. Это будетъ доказано ниже; здѣсь только обращу еще вниманіе музыкантовъ на другое изрѣченіе Г. Надеждина. »Не опскуда ли (не спрашивайте: опскуда?) въ царствѣ Музыки пошребность соединить глубокую идеальность Бешговена (Бешговена) съ пластической изобразительностію Россини, предугадываемыя Веберами? — Неужели есть какая пошребность соединять родъ Бешговена съ родомъ Россини? Во-вторыхъ: можно ли соединить ихъ, чего и самъ Г. Надеждинъ по инспинкту, не допускаетъ, возложивъ эту Египетскую работу на Вебера, который споль же мало приблизился къ Россини, сколь много опошелъ опъ Бешговена. Въ-третьихъ, можетъ ли быть въ Музыкѣ пластическая изобразительность и что подъ этими словами разумѣть Орапоръ? — Музыка, въ опношеніи къ Оперной libretto, можетъ только заключать или не заключать соотвѣтственнаго предмету драматизма, а съ нимъ вмѣстѣ и изобразительности. — Бешговень въ высочайшей степени Драматикъ, подобно Глюку и Моцарту; напрошивъ того Россини никогда не любилъ и не любилъ согласоваться съ внушрнимъ смысломъ Драмы,

а собирають легкіє, хорошенькіє пасажи и разводиль ихъ водою именно руладъ, означающихъ, по понятіямъ Орашора, вѣкъ гніенія жизни. Неужели эпо пластическая изобразительность? Поймите же теперь, что значить Пластика на языкѣ нашего Орашора и какъ ее должно приниматьъ выше; неужели за шупку, какъ ее нельзя не принять въ эпо мѣспѣ.

»Талантъ Обера умѣль исполнить богатство музыкальной гармоніи въ частныхъ сценахъ домашней жизни, не впадая въ привіальность; и такимъ образомъ Опера получила возможность быть спешною, не будучи героическою, быть простою, не будучи буффю.« Но что же въ музыкѣ изъ порядочныхъ, не говорю отличныхъ Композиторовъ, впадалъ когда либо въ привіальность и что можетъ значить привіальность въ музыкѣ, какъ въ Искусствѣ? Развѣ Орашоръ, вмѣспѣ съ полпою, безъ различія, называешь Музыкантами Паганини и скрипача, что играетъ *барыню* подъ пляску Цыганокъ? Неужели семейственная жизнь въ Оперѣ явилась въ первый разъ въ твореніяхъ Обера, и достойнымъ ли еще образомъ? А свадьба Фигаро Моцарта, а Водовозъ Керубини, оны кошораго такъ далеко отскаль ученикъ его Оберъ! Не смѣю думать, чтобы Орашоръ умышленно причислилъ Моцарта и Керубини къ періоду извѣснаго гніенія; но такъ какъ оны (а равно и о многихъ другихъ, въ числѣ коихъ Гендель, Перголези, Гайднъ, Глюкъ, Мегюль, Саліери и пр. и пр.)

въ огромномъ Словѣ ни слова, то легко догадываюсь, что такой невнимательности есть другая, очень естественная и невинная причина. Въ свѣдѣніе этой же самой причины я не хощу, представлять продолжительнаго каталога Оперъ, въ коихъ на сцену доспойно выведена жизнь семейственная, полагая, что по крайней мѣрѣ, слухъ о сихъ двухъ Операхъ, превосходныхъ, и припомъ играемыхъ въ Россіи, — доспигъ до свѣдѣнія Орашора. А Оберъ, осмѣлось прибавить, въ сравненіи съ великими Композиторами, поржешпововавшими и въ семь родѣ надъ періодомъ гніенія жизни, — едва ли можешъ имѣшь значеніе хорошаго ученика.

Примѣръ смѣшнаго упрямства открыватъ новыя стороны тали, гдѣ ргшително нтъ оныхъ.

Мы уже выше имѣли случай, любезные читатели, видѣть разительныя доказательства упрямства сего рода. Долго разсуждалъ я надъ причинами сего *френтическаго состоянія*, и кажешся, оно происходишь именно отъ человеческого, впрочемъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, весьма похвальнаго упрямства смѣрять на всѣ предметы не такъ, какъ люди смѣряють. — Мнѣ кажешся, что эта же причина породила хаосъ Германской Философіи, породила сполношвореніе со всеми свѣдѣніями онаго въ новѣйшей Европейской Литературѣ, произвела множештво плохихъ писателей, арти-

етовъ и Художниковъ и была матерью разбираемаго Слова. Последнее мы обязаны доказать, хотя въ частностяхъ оно уже выше доказано.

До нынѣ никто не воображалъ, что чело-вѣчество живетъ уже прелестью жизни; всѣ думали и думаютъ, что средніе вѣки для насъ суть по же, что первые періоды гражданственности послѣ пошопнаго міра для Египта, Греціи и Рима. Орапоръ первый у насъ на Руси открываетъ ужасную истину, что средніе вѣки къ намъ ничѣмъ не ближе древняго міра; что просвѣщеніе и Искусство, свершивъ свой путь и достигнувъ высочайшей почки совершенства, погибли въ пламени реформаціи и Французской революціи; что сіи происшествія опмезевали чело-вѣчество послѣднихъ трехъ столѣтій (Французская Революція) отъ чело-вѣчества среднихъ вѣковъ и эпоху между называетъ вѣкомъ всеобщаго гніенія жизни. Съ изумленіемъ читаешь эти спроки; не вѣришь, чтобы кто либо для доказательства случайно родившейся въ головѣ мысли могъ рѣшиться съ такою легкомысленностію жертвовать историческою истиною. — Могутъ ли народы, если уже принявъ Философію въ помощь для изясненія хода Изычныхъ Искусствъ, добровольно оспановиться на извѣстной почкѣ совершенства, бездѣйствовать опять произвольно и снова пойти впередъ или назадъ, пущемъ, какимъ угодно?

Если развращеніе нравовъ въ XVIII вѣкѣ во

Франціи могло подасть эту мысль Орапору; по гораздо болѣе представляеть ужасовъ развращенный вѣкъ при Папѣ Александрѣ VI-мъ, когда общественный соблазнъ попопиль всю Испалію и не былъ чуждъ Франціи при Карлѣ VIII и еще въ какой степени! — Если реформація можетъ бытъ принята въ основаніе сего періода, по возмите ее не по учебной, ручной книжкѣ, а справьшесь съ подробными Исторіями и вы увидите, что Реформація началась именно въ самой Испаліи, тогда, когда еще не было Рафаэля, Аріостта, Тасса, когда вѣкъ Искусства былъ еще впереди, а музыка и вовсе еще не походила на правильное Искусство. Когда же это? Именно при томъ же Александрѣ VI реформацію началъ Саванароле. — И такъ вѣкъ этого знаменитаго гніенія жизни начался еще до Рафаэля, Тасса и ш. д. Но допустимъ, что сей импересный вѣкъ начинается съ 1648 года, согласно волю Г. Надеждина, и продолжается, положимъ, до 1800 года. — Что дѣлало въ этомъ періодѣ Искусство? Еспешвенно, оно должно было упасть совершенно; изгладиться, чтобы воскреснуть съ новою силою. — Такъ ли это было, легко справиться; споймъ только посмошрѣвъ на современниковъ гніенія жизни. — Они были: по часпи живописи Рембрандтъ (+ 1674), Гаспарь Пуссенъ (+ 1675), Сальвадоръ Роза (+ 1673), Эшебанъ Мурилло (1682), Бургиньонъ (1676), Карлъ Маравъ (1713), Темпеста (1701), Рафаэль Менгсъ (1779) и прочіе... По часпи Архитектуры Карлъ

Фоншана, Бибіена, Галилеи, Сальви, Ванвипелли и даже Рафаэль Сперни. По части музыки: Гайднъ (р. 1735, ум. 1809), Глюкъ (1787), Гендель (1685 — 1759), Моцартъ (1757 — 1792), Бахъ (1685 — 1750), Чимароза, но, кажется, довольно и этихъ. И это былъ вѣкъ гніенія жизни?! Въ какомъ же вѣкъ живемъ мы? Гдѣ у насъ теперь Живописцы, Архитекторы, а преимущественно музыкальные гении, которые бы могли стоять на ряду съ исчисленными? Бетховенъ, Веберъ, и, по слухамъ извѣстный Мейербееръ, не уничтожили еще ни одного изъ поименованныхъ, тогда какъ многіе признанные XIX вѣкомъ великими Композиторами, — еще при жизни, лишились своей великости. На счетъ другихъ искусствъ рѣшиительно не имѣемъ гениевъ; будущее, въ томъ не сомнѣваюсь, и потому не сомнѣваюсь, что не вѣрю системѣ Г. Надеждина. Напротивъ, я всегда полагаю и полагаю, основываясь и на теоріи и на Исторіи Изыщныхъ Искусствъ, что ихъ дѣятельность не зависить отъ нравственности вѣка, или отъ степени просвѣщенія. Взгляните, какъ далеко раздѣлены и пространствомъ и обстоятельствомъ Данте и Байронъ, Кальдеронъ и Шекспиръ, Тассъ и Гомеръ, Софокль и Альфиери, Рафаэль и Доминикинъ, или какъ уединень отъ всего знаменитаго міра Кореджіо. Искусство имѣетъ свой путь, иль ни какого сомнѣнія, но, любезные читатели, изъ всего, мною сказаннаго, вы видите, что Орапоръ не нашелъ его, а изъ подробностей, мною изложен-

ныхъ, самый несмѣливый догадается, что онъ и не могъ найти его. Нужно ли болѣе говорить объ этомъ хаосѣ идей, нанизанныхъ на гнилую нитку, которую слѣдовало бы назвать системою, если бы она имѣла по крайней мѣрѣ видъ вѣроятности. Къ сожалѣнію, эта система не есть плодъ долговременныхъ и правильныхъ занятій; не есть даже усиліе свѣтлаго, хотя и напряженнаго ума; нѣтъ, она родилась въ одно мгновеніе. — Лаская съ поэтической, хотя и весьма непріятною нѣжностію, мгновенную мысль, — родительская любовь, изъ угожденія любимому дѣшису, пожертвовала Исторіей, забыла книги, произведенія Изящныхъ Искусствъ и мечшая, въ какомъ-то очарованіи, о неизвѣстныхъ предметахъ, какъ-то: о сподлѣ Вавилонскомъ, о свѣтлыхъ головахъ Рембрандта, слишкомъ плѣсныхъ Наядахъ Рубенса и Оберовой музыкѣ, невольно, нечувствительно изукрасила любимицу пышнымъ, но смѣшнымъ нарядомъ арлекина.

Последнее относился къ слогу, коимъ написано Слово. Кудринскій жипель представилъ образцы сей (выражусь словами Орапора) *холодной напыщенности*, копорая, по свидѣтельству того же Орапора (спр. 45), есть *слѣдствіе внутренняго оскудѣнія жизни*. Вообще о слогѣ сего Слова можно сказать то же, что Г. Надежинъ говоритъ о готической Архитектурѣ (спр. 39) а именно: »посреди сей пушистой, кудрявой чащи колоннъ и щипцовъ, подобно исполинамъ дремучихъ, вѣковыхъ дубравъ, своенравно перепле-

пашющихся другъ съ другомъ, запканныхъ мши-
спою съшью рѣзныхъ и лѣпныхъ вычуръ, обвѣ-
шанныхъ дикою павиликою прихопливыхъ ара-
бесковъ, возбуждается невольное чувство *благо-
говѣнія*, предощающаго присущствіе мрачной,
неисповѣдимой безконечности. — Пропустили
только одно слово: *благговѣніе*, и эша фраза бу-
детъ вѣрнѣею характериспикою не только
слога, но и учености Орашора.

Кончаю,—не опъ недоспашка предметовъ, на
кои бы можно было еще обратишь вниманіе чипа-
пелей; нѣшь, опъ досады, что я потерялъ шакъ
много времени и бумаги на изобличеніе недоспаш-
ковъ, можешъ бышь уже неисправимыхъ. Упѣ-
шаюсь однако же мыслію, что благонамѣренны
люди, любящіе опечесство, просвѣщеніе и иску-
спво и люди, коимъ по заняшямъ ихъ угрожаешъ
шакой же судъ шакой же неудачной учености,
опшадупъ полную справедливоспъ моимъ намѣ-
реніямъ. Смиренно и спокойно объявляю всѣмъ
и всякому, что, будучи почипашелемъ и спрасп-
нымъ любипцелемъ Искусспва во всей его обшпр-
ности, я никогда не скрою моихъ мыслей опъ
суда публики, во всякомъ случаѣ, когда, по мо-
ему разумѣнію, Искусспво можешъ получишь
пользу или потерпѣшь вредъ. Если ошибусь,
укажише ошибки и поправыше, за что обещаю
всегдашнюю признапельноспъ. — Заблуждашся
— обшій недоспашокъ, но упрямствовашъ въ
заблужденіи — эшо уже гораздо болѣе! *Н. К.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

1. БАРОНЪ АЛЬТЕНШТЕЙНЪ.

Баронъ Штейнъ-Альтенштейнъ, Прусскій Министръ Народнаго Просвѣщенія, Духовныхъ и Медицинскихъ Дѣлъ, родился въ 1760 году во Франконіи. Окончивъ ученіе, онъ служилъ въ ведомствѣ Министра Гарденберга и послѣдовалъ за нимъ въ Берлинъ. Онъ занималъ мѣсто Совѣтника въ Департаментѣ Финансовъ, когда началась война между Пруссіею и Франціею. Въ послѣдствіи онъ былъ отправленъ въ Кенигсбергъ и наименованъ, въ званіи Слѣдственнаго Совѣтника, Членомъ Комиссіи, коюрой поручено было составить планъ преобразованія государственнаго управленія. Баронъ Альтенштейнъ соединяетъ возвышенный умъ съ обширными познаніями и независимымъ характеромъ. Благодаря его усиліямъ, многія злоупотребленія были уничтожены. По возвращеніи его въ Берлинъ, онъ съ высочайшею дѣятельностію занимался разными поручаемыми ему дѣлами. Въ 1813 году управлялъ онъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1815 ѣздилъ съ Канцлеромъ Гарденбергомъ въ Парижъ; въ 1818 былъ въ числѣ прехъ Коммиссаровъ, коимъ Правительствомъ поручено объѣхать Нижне-Рейнскія провинціи и Вестфалію, чтобы собрать свѣдѣнія о старинныхъ коренныхъ узаконеніяхъ сихъ странъ. По исполненіи этого порученія, онъ былъ наименованъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Духовныхъ и Медицинскихъ дѣлъ. Въ этомъ высокомъ званіи Баронъ Штейнъ - Альтенштейнъ оказалъ важныя услуги обществу и Наукѣ, въ осо-

бенности учрежденіемъ Берскаго Университета, Университеты, Училища и вообще все учебныя и ученныя заведенія обращаютъ на себя его неуслышное вниманіе, и ежели народное просвѣщеніе находилось нынѣ въ Пруссіи на столь высокой степени развитія, то эпизодъ обязано оно наиболее мудрой попечительности сего Министра - Филиппона.

2. А Н С И Л І О Н Ъ.

Иоаннъ-Петръ-Фридрихъ-Ансильонъ, Прусскій Министръ Иностраннѣхъ Дѣлъ, родился въ Берлинѣ 30 Апрѣля 1766; онъ происходилъ изъ почтенной фамиліи Мецскихъ уроженцевъ, выѣхавшихъ изъ Франціи во время гоненія на протестантовъ. — Дѣдъ Г. Ансильона, Авторъ *Исторіи поселенія Французскихъ выходцевъ въ Бранденбургіи* (Берлинъ 1690) и *Литературно-Критической Силси* (3 ч. Валень, 1698); умеръ въ Берлинѣ въ 1715 году. Отецъ его, Лудовикъ Фридрихъ Ансильонъ, Паспоръ Реформатской церкви въ Берлинѣ, человекъ весьма умный и ученый, далъ сыну своему отличное воспитаніе, которое сильно содѣйствовало развитію преждевременныхъ его дарованій; онъ назначалъ его въ духовное званіе, но не смотря на это, послѣ Богословія и церковнаго Краскорчія, началъ обучать его Исторіи, которою онъ занялся съ величайшимъ рвеніемъ. По окончаніи ученія, молодой Ансильонъ отправился путешествовать по Швейцаріи, потомъ прибылъ во Францію во время революціи, и тамъ познакомился, между прочимъ, съ Мирабо. — Возвратясь въ Берлинъ, онъ заслужилъ одобреніе и приобрѣлъ покровительство Принца Генриха, брата Великаго Фридриха; онъ обязанъ былъ эпизодъ счастіемъ случаю. Однажды Ансильонъ говорилъ въ Рейнсбергѣ рѣчь при какомъ-то бракосочетаніи. Принцъ

зашелъ въ церковь и прельстившись краснорѣчiемъ молодаго проповѣдника, опредѣлилъ его къ своему Двору. — Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, онъ былъ наименованъ Паспоромъ Французской реформатской церкви въ Берлинѣ и Профессоромъ Исторiи въ Военной Академiи. Онъ вскорѣ прославился своими проповѣдями и Фридрихъ Вильгельмъ II всегда слушалъ его съ удовольствiемъ. Первые сочиненiя Г. Ансильона напечатаны въ полишическомъ Журналѣ, который издавалъ тогда родственникъ его, знаменитый Публицистъ и государственный человекъ, Г. де Генцъ; то былъ *Историческiй опытъ о Первой Бельгiйской революцiи противъ Филиппа II.* — Въ 1801 году онъ издалъ свою *Литературную и Философическую слясъ* (2 часни), которая также, какъ и его *Политическiй опытъ*, доказываетъ проникательный умъ и глубокомыслие Автора. — Въ 1803 году вышла въ свѣтъ его *Картина переворотовъ въ политическихъ системахъ Европейскихъ Государствъ, съ 15 столѣтiя*. Въ этомъ важномъ, но, къ сожалѣнiю, неокончанномъ изворенiи, замѣтно глубокое изученiе историческихъ характеровъ, блестящiй слогъ и проникательность, съ которою Авторъ умѣлъ разобрать политическiя выгоды разныхъ Государствъ въ различное время. — Въ 1810 году Коммиссiя Французскаго Института, въ докладѣ своемъ объ успѣхахъ Историографiи, отзываясь съ большими похвалами о Г. Ансильонѣ, называя его достойнымъ преемникомъ великаго Лейбница. „Онъ доказываетъ своимъ примѣромъ, сказано въ семъ докладѣ, что цѣль истинной Философiи есть умножать, а не уничтожать истины; что главную свою силу извлекаетъ она изъ согласiя чувствованiй съ правилами и что лучшихъ адептовъ своихъ находитъ она между душами возвышенными.“ — Въ это время Г. Ансильонъ, наименованный Членомъ Берлин-

ской Академіи и Исторіографомъ, оставилъ духовное званіе. — Послѣ Тильзитскаго мира, знаменитый Баронъ Шпейнъ, бывший тогда первымъ Миниспромъ, избралъ его въ Воспитатели Наслѣднаго Принца. Тушъ начинается его политическое поприще, которое, впрочемъ, не заставило его отказаться отъ авторства, ибо онъ издалъ въ 1810 году Похвальное Слово Члену Академіи Г. Меріану, и Надгробное Слово Прусской Королевы. — Хотя Г. Анслюнъ Французскаго происхожденія, но онъ оказалъ себя совершенно достойнымъ госпенріимства, которымъ предки его пользовались въ Бранденбургіи: онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ образованіи союза, который низложилъ Наполеона. — Въ 1814 году Г. Анслюнъ сопровождалъ Августѣйшаго своего Воспитанника въ Парижъ; по возвращеніи въ Берлинъ и по окончаніи образованія сего Принца, онъ былъ назначенъ Начальникомъ политическаго отдѣленія въ Минисперствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Съ этого времени онъ, при обоихъ Миниспрахъ, Князь Гарденбургъ и Графъ Бернсторфъ, имѣлъ большое вліяніе на Берлинскій Кабинетъ. Онъ одинъ писалъ все дипломатическія ноты къ важнѣйшимъ Державамъ. — Онъ былъ Членомъ Комиссіи, занимавшейся составленіемъ государственнаго Уложенія. Последнія его творенія, столь же превосходныя, какъ и первыя, суть: *Sur la souveraineté et la constitution de l'état* (1816); *La science d'état* (1824); *De la Foi et de la Science dans la Philosophie; De l'esprit des constitutions de l'état et de leurs influence sur la législation* (1825); *Méditation des opinions* (1828). Г. Анслюнъ служилъ нынѣ въ званіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ и почитается въ Германіи душою и покровителемъ умѣренной партіи. О.

V.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Высочайшими Указами Всемилоспивѣйше пожалованы: во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Княжна Каперина Лобанова-Роспловская, въ званіе Камеръ-Юнкеровъ: Коллежскій Ассессоръ Н. Ремеръ и Типулярный Совѣтникъ А. Пушкѣинъ, а Камергеръ Баронъ Боде въ Церемоніймейстеры Высочайшаго Двора. — Г. М. Щербацкій Всемилоспивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Спанислава 1-й степеніи. — Управляющему Уральскимъ Казачьимъ Войскомъ Полковнику Покашилову Всемилоспивѣйше повелѣно быть Наказнымъ Апшаманомъ сего Войска, а Г. М. Глинка 2-й утверждень Начальникомъ Шпаба Артиллеріи 1-й Арміи, на мѣсто Г. М. Сухозанета 3-го, которому состоятъ по Артиллеріи. — Г. А. Удомъ, Генераль-Маіоръ: Ансельмъ де Жибори, Игельспромъ 2, Гельманъ и Дымчевичъ уволены въ отставку, первый съ пенсіономъ и споловыми деньгами, 2-й, 3-й и 4-й съ пенсіономъ и мушдромъ, пятый съ однимъ мушдромъ. — Ординарный Профессоръ Каченовскій Высочайше утверждень въ званіи Цензора при Московскомъ Ценсурномъ Комитетѣ. — Въ С. П. бургѣ скончался 19 Декабря Дежурный Генераль Главнаго Морскаго Шпаба Е. И. В., Вице-Адмираль Макарь Ивановичъ Раппановъ.

Высочайше утвержденнымъ 14 Ноября положеніемъ Комитета Гг. Миниспровъ дозволено опшкупщикамъ, по соглашеніи съ заводчиками, потребное на

продажу вино выкуривать изъ овекловицы и каршо-
фели, доколѣ урожаи хлѣба не дозволятъ оптимнннхъ
вно дозволеніе, для поддержанія хлѣбопашества.

Ф р а н ц і я.

Четвертымъ Вице-Президентомъ Палаты Дему-
шатовъ избранъ, по прежнему, Г. Беранже, принадле-
жащій къ такъ называемой средней партіи (tiers-parti),
которой глава Г. Дюпенъ; собственно Министерская
партія, партія Доктринеровъ, противоположная
ему Г. Персиа, но не могла одержать побѣды. Въ Се-
крешари избраны Гг. Ганеронъ, Марпенъ, Кюненъ-
Гриденъ и Реаль, которые занимали эти мѣста и въ
прошлое собраніе. Выборы Президента, Вице-Прези-
дентовъ и Секретарей весьма важны, потому что
показываютъ расположеніе умовъ въ Палатѣ. Напри-
мѣръ, изъ нынѣшнихъ выборовъ видно, что Палата
намѣрена дѣйствовать въ томъ же духѣ, какъ и въ
двухъ прежнихъ своихъ собраніяхъ, и что положеніе
партій въ ней, если и измѣнилось, то мало.

Докладчиками Коммиссій, наряженныхъ для со-
спавленія адреса въ отвѣтъ на рѣчь Короля, назна-
чены: въ Палатѣ Церовъ Г. Моле, въ Палатѣ Дему-
шатовъ Г. Биньонъ.

Въ засѣданіи Палаты Депушатовъ 27-го Декабря,
Г. Гра-Превиль, председателствовавшій, до избранія
настоящаго Президента, пошому что онъ, по лѣшамъ,
старшій изъ Членовъ, уснувилъ мѣсто свое Г. Дю-
пеню, который произнесъ рѣчь о трудахъ, совершен-
ныхъ нынѣшней Палатою во все время ея существо-
ванія. Она утвердила 104 законъ о предметахъ об-
щихъ и 212 о предметахъ частныхъ. Важнѣйшіе изъ
первыхъ были законы о составѣ Палаты Церовъ и
объ устройствѣ первоначальнаго образованія, а так-
же законы о Департаментскомъ и Муниципальномъ

управленіи, которые впрочемъ еще не довершены, пошому что власшь разныхъ муниципальныхъ начальствъ еще не опредѣлена. (Огромное число частныхъ законовъ, утвержденныхъ Палатою, ни сколько не изумительно, пошому что они почти никогда не возбуждаютъ преній.)

29-го Декабря Г. Баршъ былъ внезапно призванъ во дворець. На другой день разнесся слухъ, что Г. Баршъ и Г. д'Аргу подали въ отставку. Изъ шого, что Г. Моле имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Президентомъ Совѣта, заключающъ, что онъ вступитъ въ Министерство на мѣсто Г. де Броли, шмъ болѣе, что предъ отъѣздомъ Г. Талейрана изъ Париза, онъ съ нимъ помирился, а извѣстно, что Князь имѣетъ большое вліяніе на Французское Правительство. Все это заславляетъ думать, что Министерство скоро измѣнится; но многіе почитаютъ этошъ слухъ не основательнымъ, пошому что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ не предвидишся ни какой къ шому причины. Министры избираются шакъ, шобы они могли дѣйствовать согласно съ Палатами, а нынѣшніе Министры имѣютъ въ обѣихъ Палатахъ значительное большинство голосовъ, и пошому новаго Министерства можно ожидать шолько при новыхъ выборахъ Депушатовъ.

Въ Courier Français говорятъ, что въ Палату Депушатовъ, въ скоромъ времени, подано будетъ прошеніе о дозволеніи фамиліи Бонапарте возвратишся во Францію.

Мы уже говорили, что Правительство прошивилось учрежденію публичныхъ телеграфовъ; нынѣ оно перемѣнило свое мнѣніе, пошому что, какъ говорятъ, намѣрено предсшавишъ Палатамъ проектъ закона о дозволеніи частнымъ людямъ заводишъ публичные телеграфы.

Безпокойства въ Западныхъ Департаментѣхъ снова усиливаются, почему Правительство намѣревается послать туда Генерала съ властію, какую имѣли прежде Гг. Солиньякъ, Делоръ и Бонне. Говорятъ, что на это мѣсто назначается Генераль Семеле, Членъ Палаты Депутатовъ.

А н г л и я.

Новый Англійскій Посланникъ въ Португаліи, Лордъ Говардъ де Вальденъ, отправился уже въ Фальмуть, чтобы оттуда отправиться въ Лиссабонъ.

Въ одномъ Дублинскомъ Журналѣ, the Dispatch, говорятъ, что Король и Королева намѣреваются посетить будущимъ лѣтомъ Ирландію. Въ Королевскомъ замкѣ Рhenix-Park уже дѣлаются приготовления для пріема ихъ.

Изъ Гибралтара пишутъ, что 4 Декабря прибылъ туда Маршалъ Бурмонъ, съ двумя своими сыновьями и 40 Французскими офицерами, выпровоженными, подобно ему, изъ Испаніи. Они горько жалуются на обхождение съ ними Испанскихъ Начальствъ.

Въ письмахъ, полученныхъ въ Лондонѣ изъ Лиссабона, положеніе дѣлъ Дона Педро представляется въ жалкомъ видѣ. Журналъ Morning-Post, въ заключеніе длинной статьи о семъ предметѣ говоритъ слѣдующее: „Все подтверждаетъ, что Донъ Педро можетъ обладать на время Португаліею, но не можетъ управлять ею.“

Въ *Albion* говорятъ, что по частнымъ письмамъ изъ Лиссабона, Донъ Педро ненавидимъ народомъ, и что въ Португаліи надобно ожидать коншръ-революціи.

Испанскія дѣла.

Положеніе дѣлъ въ Испаніи находилось въ прежнемъ видѣ. Карлисты, разбиваемые въ одномъ мѣсцѣ, появляющіяся въ другомъ. Министры Королевы-Регентши находились въ непрерывной распрѣ между собою. Расходы Казначейства непрерывно увеличиваются, а между тѣмъ доходы уменьшаются, попому что Карлисты вездѣ оспанавливаютъ дѣйствія Правительсва. Управлявшій Главнымъ Казначействомъ, Г. Ремиза, вышелъ въ отставку и на мѣсто его поступилъ Директоръ Коммиссіи погашенія долговъ, Г. Гаргальо, кошорый, какъ говорятъ, подыспаетъ государственный банкротство неизбежнымъ.

Въ Каталоніи и Арагонѣ, кошорыя доселѣ были совершенно спокойны, начинаются возстанія. Въ Наваррѣ, около Эстельи, собралось до 6000 Карлистовъ, а Генераль Вальдесъ можетъ противопоставить имъ только 3000 человекъ.

Генераль Паскоръ (кошораго не надобно смѣшивать съ *el Pastor*, Полковникомъ Жореди) наименованъ Генераль-Капитаномъ Гвинускои, Генераль Валье Бискаи, а Бригадиръ Бенедипо Алавы.

Бригадиръ Бенедипо вышелъ съ 500 ч. для разсѣянія Карлистовъ, и былъ ими разбитъ при Гверникѣ. Двѣ тысячи инсургентовъ, подъ предводительствомъ Сабамы, вдругъ бросились на него изъ засады и изъ его небольшого отряда убили и ранили 150 человекъ.

Загородный дворецъ Королевы-Регентши, лежащій на дорогѣ между Сеговією и Лагранхою сожженъ мятежниками.

Генераль Морено проникнулъ въ Португалію, чтобы захватить Дона Карлоса, но шопъ былъ уже предваренъ о движеніи Генерала и спасся. Генераль Ро-

диль также переходилъ за Португальскую границу и захватилъ всѣхъ Членовъ соспавленной Дономъ Карлосомъ Юнпы. Самъ Донъ Карлосъ находилъся, по однимъ извѣсїямъ, въ Хавесѣ, а по другимъ, въ Вилла-Реаль (между Брагансою и Опоршомъ). Къ нему присоединились Епископы Леонскій, Терскій и Толедскій и привели ему небольшіе отряды кавалерїи.

Англійскій шлюпъ Нимродъ крейсируетъ у Испанскихъ береговъ; ему, какъ говорятъ, поручено препятствовать высадкѣ Дона Карлоса на берегъ и приказано, въ случаѣ нужды, взять его въ плѣнъ.

Н и д е р л а н д ы.

Брюссель. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Генералъ Гобле, подалъ въ отставку и прошеніе его принято. Временное управленіе Министерствомъ возложено на Графа Феликса де Мерода.

Въ письмѣ, написанномъ имъ по сему случаю къ Издашелю Газеты l'Independant, Генералъ Гобле говоритъ, что онъ сдѣлалъ это единственно потому, что нынѣшнее положеніе дѣлъ позволяетъ ему сложить съ себя непрїятную должность, которую принялъ онъ въ такое время, когда почиалъ себя не въ правѣ отказываться.

Правительству представленъ планъ сооруженїя чугунной дороги изъ Мехельна, чрезъ Термондъ, Веспернъ, Мелле, Генпъ, и Бригенъ въ Оспенде; планъ сей порученъ разсмотрѣнїю особой Коммиссїи.

Гага. Вторая Палата Генеральныхъ Шпатовъ отложила засѣданїя свои до перваго Понедѣльника послѣ Пасхи, или до 1 Апрѣля 1854 года.

Извѣстный Карара, по прозванїю Помара, о которомъ за годъ предъ симъ такъ много говорено было въ газетахъ, преданъ уголовному суду, какъ глав-

ный виновникъ покражи брилліаншовъ изъ дворца Герцогини Орлеанской.

Разныя извѣстія.

Уполномоченные Германскихъ Державъ, должны спсвующихъ учаспвовашь въ совѣщаніяхъ, имѣющихъ бышь въ Вѣнѣ, уже почли всѣ шуда прибыли.

Женевскому Правительству подано было прошеніе объ уравненіи Евреевъ въ правахъ съ Христіанами; но оно опвергло это прошеніе, желая предварптельно видѣшь, какъ воспользуются Жиды этими правами въ шѣхъ Государстввахъ, гдѣ они имъ предоставлены.

Везувій въ концѣ Декабря, представлялъ спрашніе зрѣлище. Въ спаромъ краперѣ образовались два новыя опверзшія, лежація одно опъ другаго сажень на десяшь. Изъ нихъ шекуть два ручья лавы, но къ счастью, они доселѣ оспанавливаются на половинѣ горы.

3-го Января.

VI.

M O A BI.

Rein n'est plus élégant, que les demi-voiles de dentelle aux capotes de velours; quelque chose de plus simple les remplace avec avantage, ce sont des voiles de tulle, garni d'une blonde haute de deux doigts. Ces voiles se mettent aussi en tulle et blonde blanche, au bord d'une capote de satin pour demi-toilette.

Quelques femmes brunes ont essayé les chapeaux du soir en velours carotte; cette nuance, quoiqu'assez prononcée, sied bien à certains visages, surtout accompagnée de blonde. Ils peuvent être ornés de plumes carotte ou noires.

Le satin souci et le satin rubis sont deux couleurs à la mode pour toilette du soir.

Pour turbans, on prend de larges écharpes ou de petits châles carrés en cachemire.

Comme chapeau négligé nous avons remarqué cette semaine une capote qui mérite d'être citée, par son bon goût et sa simplicité recherchée: elle était très-grande de forme, à calotte un peu haute, en velours bleu ciel pâle, point de rubans, sinon un noeud de satin derrière et un demi-tour de tête qui passait autour de la passe, d'une bride à l'autre; sur le côté un magnifique oiseau qui retombait très-bas.

Le *cordon algérien* est une chaîne de fil d'or mat, terminée par deux glads et serrée au cou, selon la manière orientale, par un coulant, auquel l'inventeur a donné la forme d'un noeud en or de bijouterie. Ce noeud se détache brillant et émaillé sur l'or mat et monte ou

descend à volonté. Ce cordon est surtout fort joli sur une robe de velours montante.

Нѣтъ ничего изящнѣе кружевныхъ полу-вуалей на бархатныхъ шляпкахъ-капотъ; но онѣ удобно могутъ быть замѣнены другими вуалями, болѣе простыми, именно тюлевыми, обшитыми блондою, пальца въ два шириною. Въ полуубранствѣ эти вуали можно также дѣлать изъ бѣлаго тюля и бѣлой блонды на апласныхъ шляпкахъ.

Нѣкоторые черноволосыя дамы пробовали вечернія бархатныя шляпки морковнаго цвѣта; это цвѣтъ, хотя довольно яркій, идетъ весьма хорошо къ инымъ лицамъ, особенно когда шляпка обшита блондою. Эти шляпки можно также украшать перьями морковнаго или чернаго цвѣтовъ.

Для вечернихъ нарядовъ въ большой модѣ бархатъ желтый (цвѣта ноголковъ) и рубиновый.

На шурбаны употребляются широкіе шарфы или небольшія чепвероугольныя кашемировыя шали.

Въ родѣ шляпокъ *неглиже*, мы замѣтили на этой недѣлѣ одну, которая заслуживаетъ вниманіе по вкусу и изящной простотѣ, съ копорыми она сдѣлана. То была шляпка съ весьма большою формою и довольно высокою шулею, бархатная, свѣтлаго небесно-голубаго цвѣта, безъ лентъ, за исключеніемъ одного только апласнаго банта, приколотаго сзади, и ленты, которая идетъ отъ одной завязки до другой; на боку превосходная райская пшичка, которая спускалась весьма низко.

Алжирскій снурокъ есть цѣпочка изъ золотыхъ проволокъ безъ лоску (машъ), оканчивающаяся двумя жемудами и прикрепленная у шеи, по восточному

обычаю, пеплею, которую изобрѣшатель дѣлаетъ золотую въ видѣ узорчатаго банта. Этомъ бантъ, блестящій и украшенный эмалью, весьма хорошо опдѣляется отъ маповой цѣпочки и можеть подыматься и опускаться какъ угодно. *Алжирскій скурокъ* особенно весьма красивъ на бархатномъ платьѣ съ закрытою грудью.

31-го Декабря 1833.

